

Электронные тексты лекций по
ИСТОРИИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН
(РОССИЯ И УКРАИНА)
для студентов 3 курса специальности
1-020102-04 «История. Английский язык»

Лекция 1. Реформы 60–70-х гг. XIX в. в России

План

1. Реформы местного самоуправления и судебной системы
2. Военные реформы
3. Реформы в области просвещения и печати
4. Финансовые реформы

1. Реформы местного самоуправления и судебной системы

Отмена крепостного права в 1861 г. влекла за собой необходимость проведения реформ в области местного управления (земская, городская), судебная и военная. Дополнительно выделяют еще реформу образования, цензуры, финансов. Они заслуженно стоят в одном ряду с крестьянской реформой 1861 г. и вслед за ней как великие реформы. В то же время проводимые преобразования имели противоречивый характер – власть пыталась приспособить старую политическую систему самодержавия к новым условиям, не изменяя ее сущности. Реформы (1863–1874 гг.) отличались половинчатостью, непоследовательностью и незавершенным характером. Они проектировались в обстановке общественно-политического подъема в стране, а проводились в течение 10–15 лет, когда социальная напряженность была снята, а самодержавие вышло из политического кризиса и даже наметился (с 1866 г. после покушения Д. Каракозова на Александра II) поворот к реакции. Далеко не все, что намечалось ранее, получило впоследствии свое воплощение в законах, да и действие принятых законов ограничивалось последующими правительственными актами.

Отмена крепостного права разрушила существовавшую в России систему местного самоуправления, которая, возникнув в 1775 г. распространялась только на дворянство и привилегированные слои города. На полицейские и судебные должности избирались дворяне и поэтому у представителей непривилегированных сословий не было возможности отстаивать свои интересы. Прежде местное управление было сословным и безвыборным. Помещик неограниченно властвовал над крестьянами, управлял ими и судил их по своему произволу.

После отмены крепостного права такое управление становилось невозможным. Поэтому параллельно с крестьянской реформой готовилась в 1859—1861 гг. и земская реформа. 27 марта 1859 г. при Министерстве внутренних дел была создана под председательством Н.А. Милютина комиссия для разработки закона «О хозяйственно-распорядительном управлении в уезде». В самом начале работы комиссии Н.А. Милютиным были установлены принципы, которые выражались в формуле: а) дать местному самоуправлению возможно больше доверия, возможно больше самостоятельности и возможно больше единства. Вместе с тем Комиссии предписывалось, чтобы проектируемые органы местного управления не выходили за рамки хозяйственных вопросов местного значения. В апреле 1860 г. Милютин представил Александру II подготовленный комиссией проект «временных правил» о местном управлении, которое строилось по принципу выборности и бессословности. Но в апреле 1861 г. Милютина и министра внутренних дел С.С. Ланского, обвиненных в «либерализме», под давлением

реакционных придворных кругов уволили в отставку. Новый министр внутренних дел П.А. Валуев (председатель комиссии), который был противником принципа сословности. По его мнению, введение земских учреждений должно было стать определенной уступкой помещику дворянству, некоторой компенсацией за потерю ими вотчинной власти над крестьянами и одновременно удовлетворить чаяния либеральной части общества, стремившейся к политическим преобразованиям. Таким образом, Милютинский проект был скорректирован Валуевым в пользу дворян. Сходное мнение было и у императрицы: «Земские учреждения – это средство откупиться от конституции». К марту 1863 г. проект «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» был подготовлен. Окончательный вариант реформы, изложенный в «Положении о губернских и уездных земских учреждениях», Александр II подписал 1 января 1864 г.

В соответствии с законом в уездах и губерниях вводились выборные органы местного управления – земства. В основу земской реформы были положены два новых принципа — бессословность и выборность. Распорядительными органами земства, т.е. нового местного управления, стали земские собрания: в уезде — уездное, в губернии — губернское (в волости земство не создавалось). Выборы в уездные земские собрания проводились на основе имущественного ценза. Все избиратели были разделены на три курии: 1) уездных землевладельцев, 2) городских избирателей, 3) выборных от сельских обществ.

В первую курию входили владельцы не менее 200 десятин земли, недвижимой собственности на сумму более 15 тыс. руб. или годового дохода свыше 6 тыс. руб. Владельцы менее 200 (но не меньше 10) десятин земли объединялись, и от того их числа, которое совокупно владело земельным массивом в 200 (как минимум) десятин, избирался один уполномоченный на съезд первой курии.

Вторую курию составляли купцы всех трех гильдий, владельцы недвижимости не менее чем на 500 руб. в малых и на 2 тыс. руб. в больших городах или торгово-промышленных заведений с годовым оборотом более 6 тыс. руб.

Третья курия состояла главным образом из должностных лиц крестьянского управления, хотя здесь могли баллотироваться и местные дворяне, а также сельское духовенство. Так, в Саратовской и Самарской губерниях в гласные от крестьян прошли даже пять предводителей дворянства. По этой курии, в отличие от первых двух, выборы были не прямые, а многостепенные: сельский сход выбирал представителей на волостной сход, там избирались выборщики, а затем уездный съезд выборщиков избирал депутатов (гласных, как они назывались) в уездное земское собрание. Это было сделано для того, чтобы «отсеять» из крестьян неблагонадежные элементы и вообще ограничить крестьянское представительство. В результате, по данным на 1865—1867 гг., дворяне составили 42 % уездных гласных, крестьяне — 38 %, прочие — 20%.

Выборы в губернские земские собрания происходили на уездных земских собраниях из расчета — один губернский гласный на шесть уездных. Поэтому в губернских собраниях преобладание дворян было еще большим: 74,2 % против 10,6 % крестьян и 15,2 % прочих. Председатель земского собрания не избирался, им по должности был предводитель дворянства: в уезде — уездный, в губернии — губернский.

Так выглядели распорядительные органы земства. Исполнительными его органами стали земские управы — уездные и губернские. Они избирались на земских собраниях (на 3 года, как и собрания). Председателя уездной управы утверждал губернатор, а губернской — министр внутренних дел. В земских управах дворяне преобладали абсолютно: 89,5 % гласных всех губернских управ против 1,5% крестьян и 9% прочих.

Показательно, что в тех губерниях, где дворянско-помещичье землевладение отсутствовало или было слабым (в Архангельской и Астраханской губерниях, в Сибири и Средней Азии), а также в национальных районах с малым числом русских помещиков (Польша, Литва, Белоруссия, Западная Украина, Кавказ), земство не создавалось. Всего к концу 1870-х годов оно было введено в 34 из 50 губерний Европейской России.

Земские учреждения не обладали политическими функциями и занимались хозяйственными нуждами уезда или губернии: продовольствием, местными промыслами, страхованием имущества, почтой, школами, больницами. В.И. Ленин назвал их «пятым колесом в телеге русского государственного управления». Но даже такая деятельность земства была поставлена под контроль центральных властей. Любое постановление земских собраний могло быть отменено губернатором или министром внутренних дел.

Тем не менее, земское самоуправление создавало особые условия, в которых население могло переходить от сословного, по существу антагонистического, противопоставления интересов отдельных групп (и прежде всего дворянства и крестьянства) к взаимопониманию. Дореформенная ситуация состояла в том, что все вопросы вершило дворянство, считавшееся со своими и только своими сословными интересами. То, что возникла возможность рассматривать местные, жизненные, интересы населения с более широкой общественной точки зрения, было очень важно.

Земство содействовало национальному развитию страны. Его служащие наладили статистику по хозяйству, культуре и быту, распространяли агрономические новшества, устраивали сельскохозяйственные выставки, строили дороги, поднимали местную промышленность, торговлю и особенно народное образование и здравоохранение, открывая больницы и школы, пополняя кадры учителей и врачей. Уже к 1880 г. на селе было открыто 12 тыс. земских школ, что составило почти половину всех школ в стране. В 1837 г. в России насчитывалось лишь 6,8 тыс. врачей, а в 1846 г. – 8,7 тыс. Врачей на селе до введения земств вообще не было (исключая редкие случаи, когда помещик сам открывал на свои средства больницу и приглашал фельдшера).

Земства содержали специально подготовленных сельских врачей (число их за 1866—1880 гг. выросло вчетверо). Земские врачи (как и учителя) заслуженно считались лучшими. Для страны, только что перешедшей от крепостного права к созданию основ гражданского общества, участие в управлении, хотя и местном, воспринималось как начало более общего политического процесса — перехода от монархии к представительной форме правления.

Второй реформой местного управления была городская реформа. Подготовка ее началась в 1862 г. В 1864 г. проект реформы был подготовлен, но правительство дважды пересматривало проект. Только 16 июня 1870 г. Александр II утвердил окончательный вариант «Городового положения».

Городская реформа строилась на тех же принципах, как и земская. По «Городовому положению» 1870 г. распорядительным органом городского управления осталась городская дума. Однако если до 1870 г. городские думы, существовавшие в России со времен «Городового положения» Екатерины II (1785), состояли из депутатов от сословных групп, то теперь они становились бессословными.

Депутаты (гласные) городской думы избирались на основе имущественного ценза. В выборах гласных участвовали только плательщики городских налогов, т.е. владельцы недвижимой собственности (предприятий, банков, домов и т.д.). Все они разделялись на три избирательных собрания: 1) наиболее крупных налогоплательщиков, которые совокупно платили треть общей суммы налогов по городу; 2) средних плательщиков, тоже плативших в общей сложности треть всех налогов, 3) мелких плательщиков, которые вносили оставшуюся треть общей налоговой суммы. Каждое собрание избирало одинаковое число гласных, хотя численность собраний была различной (в Петербурге, например, 1-ю курию составляли 275 избирателей, 2-ю — 849, а 3-ю — 16355). Так обеспечивалось преобладание в думах крупной и средней буржуазии, которая составляла два избирательных собрания из трех. В Москве первые два собрания не имели и 13 % от общего числа избирателей, но избирали они 2/3 гласных. Что касается рабочих, служащих, интеллигенции, не владевших недвижимой собственностью (т.е. подавляющего большинства городского населения), то они вообще не имели прав участвовать в городских выборах. В десяти самых крупных городах империи (с населением более 50

тыс. человек) таким образом были отстранены от участия в выборах 95,6 % жителей. В Москве получили избирательные права 4,4 % горожан, в Петербурге — 3,4 %, в Одессе — 2,9 %.

Число гласных в городских думах колебалось от 30 до 72. Особняком стояли две думы — Москвы (180 гласных) и Петербурга (250). Исполнительным органом городского управления стала городская управа, которая избиралась городской думой (на 4 года, как и сама дума). Во главе управы стоял городской голова. Им по должности был председатель городской думы. Кроме него, в управу входили 2—3 гласных.

«Городовое положение» 1870 г. было введено в 509 городах России. Сначала оно действовало только в коренных русских губерниях, а в 1875—1877 гг. царизм распространил его и на национальные окраины империи, кроме Польши, Финляндии и Средней Азии, где сохранилось дореформенное городское устройство.

Функции городского управления, как и земского, были чисто хозяйственными: благоустройство города (мощение улиц, водопровод, канализация), борьба с пожарами, попечение о местной промышленности, торговле, здравоохранении, образовании. Тем не менее, городское управление еще строже, чем земское, контролировалось центральной властью. Городской голова утверждался губернатором (для уездного города) или министром внутренних дел (для губернского центра). Министр и губернатор могли отменить любое постановление городской думы. Специально для контроля за городским управлением в каждой губернии было создано губернское по городским делам присутствие под председательством губернатора.

Городские думы, как и земства, не имели принудительной власти. Для выполнения своих постановлений они вынуждены были запрашивать содействие полиции, которая подчинялась не городским думам, а правительственным чиновникам — градоначальникам и губернаторам.

И все-таки, по сравнению с чисто феодальным «Городовым положением» Екатерины II, городская реформа 1870 г., основанная на буржуазном начале имущественного ценза, была значительным шагом вперед. Она создавала намного лучшие, чем прежде, условия для развития городов, поскольку теперь городские думы и управы руководствовались уже не сословными, а общегражданскими интересами горожан.

Наиболее архаичной в середине XIX в. оставалась система российского судопроизводства.

В зависимости от источников права правовые системы можно свести к 3 типам: 1) обычному праву; 2) судебному праву, основанному на судебном решении и 3) законодательному праву. Общества в которых доминирует обычное право, например страны 3-го мира, являются традиционными – в них на первом плане находятся традиции и коллектив, нормы права тесно связаны с религией и моралью. Законодательство – это результат целенаправленного правотворчества, осуществляемого специальными компетентными органами с соблюдением специальной процедуры, т.е. это формально выраженное в письменной форме право. Его содержание может быть определено весьма точно. В России действовали законодательное и обычное право, сферой приложения первого был преимущественно город, второго – деревня, точнее крестьянство.

Суд носил сословный характер, заседания имели келейный характер и не освещались в печати. Судьи полностью зависели от администрации, а подсудимые не имели защитников. Чтобы ясно представить себе всю огромную важность этой реформы, надо вспомнить, что такое был старый суд и каковы были судебные порядки в дореформенное время. «Черча в судах неправдой черной...», — так заклеил дореформенную Россию с ее судебными порядками накануне Крымской войны поэт-патриот славянофильского лагеря А.С. Хомяков. «Старый суд! — писал в 80-х годах И.С. Аксаков, который сам когда-то служил в разных дореформенных судебных местах. — При одном воспоминании о нем волосы встают дыбом, мороз дерет по коже!». Главные пороки

старого судебного устройства заключались в сословной их организации, предварительное следствие производилось полицией канцелярским порядком по установленным обрядам, причем подсудимому не всегда сообщались даже все основания, на которых основывалось выдвинутое против него обвинение; приговор выносился без прений сторон, без участия адвокатов, на основании допотопной системы формальных доказательств, а не по внутреннему убеждению судей. Если не хватало улик, подсудимый мог быть оставлен — и чаще всего оставлялся — «в подозрении», что ограничивало его в правах. При этом судьи были не только без юридического образования, но часто и без всякого, и жалование получали ничтожное. Губернатор мог остановить всякое судебное дело и возвратить его для решения. Понятно, что при таких условиях в судах под покровительством канцелярской тайны, при полном невежестве судей, не обеспеченных жалованием, при произволе губернаторской власти, при отсутствии адвокатуры и при множестве инстанций царило страшное взяточничество и безусловное господство силы над правом и правдой. Это была истинная «мерзость запустения на месте святе». Народная молва гласила: «Нужда закона не знает, а чрез шагает»; «Где закон, там и обида»; «Закон, что дышло: куда поверотишь, туда и вышло». У В.И. Даля находим характерную поговорку: «Закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет». А поговорки «Сила закон ломит», «Что мне законы, коли судьи знакомы», «Не всякий прут по закону гнут», «Нужда закон изменяет» отражали убеждение крестьян относительно ограниченности действия закона при определенных обстоятельствах. Среди многочисленных причин пренебрежения и недоверия крестьян к законам: длительное господство крепостного права, низкий уровень правовой культуры, непоследовательность внутренней политики, юридическая безграмотность населения, сословная обособленность крестьянства, отсутствие разграничения между административной и судебной властью, несовершенство самого законодательства.

Наиболее рельефно буржуазное начало проявилось в новых судебных уставах 1864 г., которые были подготовлены талантливым юристом, статс-секретарем Государственного совета С.И. Зарудным. В основу уставов были положены главные принципы буржуазного права: бессословность суда, состязательный характер судопроизводства, несменяемость судей, гласность и независимость судей от администрации. Результатом судебной реформы стало введение в России двух систем: коронного и мирового судов. Коронный суд имел две инстанции: окружной суд и судебную палату. В ходе судебного заседания обвинение выдвигал прокурор, а защиту вели адвокаты (присяжные поверенные). Решение о виновности обвиняемого принимали выборные присяжные заседатели. Мера наказания устанавливали судья и два члена суда. Мировые суды рассматривали мелкие преступления, судопроизводство здесь вели мировые судьи, избираемые земскими собраниями или городскими думами. Однако были сохранены специальные суды для отдельных категорий населения (например, волостные суды для крестьян). Ограниченными оказались и гласность судопроизводства и независимость судей от администрации.

Судебная реформа была завершена уже после того, как демократический подъем схлынул. Поэтому царизм считал возможным и здесь ограничить буржуазное начало, а в следующие годы еще больше ущемил его. Так, сразу была нарушена бессословность суда, поскольку сохранились особые суды для крестьян (волостной суд) и духовенства (консистерия). Остался ведомственный суд и для военных. Закон 1871 г. передал дознания по политическим делам жандармерии. В 1872 г. были изъяты из ведения судебных палат и переданы в специально учрежденное Особое присутствие Правительствующего сената (ОППС) все крупные политические дела, а в 1878 г. часть этих дел (о «сопротивлении властям») отошла к военным судам.

Очень условной оказалась несменяемость судей, сохранились инквизиторские приемы следствия, произвол, продажность и волокита в судах. Хотя в 1863 г. были отменены телесные наказания шпицрутенами, кнутами, клеймением и т.д., сохранилась, как тогда говорили, «привилегия быть секомыми» розгами для крестьян (по решениям

волостных судов), а также для ссыльных, каторжных и штрафных солдат. Примером волокиты в пореформенном суде может служить дело с иском горнозаводских рабочих против уральского промышленника Строганова, которое тянулось 51 год (с 1862 по 1913).

Даже территориально судебная реформа (впрочем, как и другие реформы 1861—1874 гг.) была ограничена. Новые судебные уставы вводились только в 44 губерниях империи из 82. На Белоруссию, Сибирь, Среднюю Азию, северные и северо-восточные окраины Европейской России они не распространялись.

Тем не менее, судебная реформа 1864 г. явилась самым крупным в истории России шагом к правовому государству. Все ее принципы и учреждения (особенно два самых демократических ее института — суд присяжных и адвокатура), несмотря на ограничения и даже притеснения со стороны царизма, содействовали развитию в стране цивилизованных норм законности и правосудия. Присяжные заседатели, вопреки надеждам и прямому давлению властей, выносили иногда вызывающе независимые приговоры, оправдав, например, в 1878 г. Веру Засулич, а в 1885 г. — морозовских ткачей. Что касается российской адвокатуры, то она сумела поставить себя — и юридически, и даже политически — на необычайную для самодержавной страны высоту. К 1917 г. в России было 16,5 тыс. адвокатов, т.е. на душу населения больше, чем в СССР 1977 г. (как мы тогда говорили, в государстве «развитого социализма»). Главное же, русские дореволюционные адвокаты завоевали национальное и мировое признание своей самоуправляющейся корпорации (присяжных поверенных), выдвинув созвездие первоклассных юридических талантов и политических бойцов. Имена В.Д. Спасовича и Ф.Н. Плевако, Д.В. Стасова и Н.П. Карабчевского, П.А. Александрова и С.А. Андреевского, В.И. Танеева и А.И. Урусова и многие другие были известны всей стране и далеко за ее пределами, а длинный ряд выигранных ими в борьбе за право и правду судебных процессов вызвал общероссийский и мировой резонанс. Сегодняшняя Россия о столь сильной и авторитетной адвокатуре, какую терпел при себе царизм, к сожалению, пока еще может только мечтать.

2. Военные реформы

В военной службе, начиная со времен Петра I, принимали участие все дворяне и рекруты от других сословий (по одному рекруту примерно с 20 дворов). Духовенство было освобождено от армии. Солдаты отрывались от семей и от своих занятий и стояли в лагере, а в мирное время бывали на постое во дворах населения. В течение XVIII в. дворянство постепенно освободилось от военной службы. Рекрутская повинность оказалась уделом податных сословий. Срок службы в 25 лет отрывал солдата от мирной жизни практически навсегда. Необходимость повышения боеспособности русской армии, ставшая очевидной уже в ходе Крымской войны и явно заявившая о себе во время европейских событий 1860-70-х годов, когда продемонстрировала свою боеспособность прусская армия (объединение Германии под главенством Пруссии, франко-прусская война 1870—1871 гг.), требовала осуществления коренных военных реформ. Эти реформы были проведены под руководством военного министра Д.А. Милютин. В 1864 г. он ввел систему военных округов, несколько позднее осуществил централизацию военного управления. В 1874 г. был издан новый устав о воинской повинности, изменивший систему формирования армии. По новому закону воинская повинность распространялась на все сословия. Призывной возраст устанавливался с 21 года. Каждый год государством определялось необходимое число новобранцев. Набиралось (путем жребия) именно это число, остальные зачислялись в ополчение. Принятые на службу находились в армии 15 лет: 6 лет в строю и 9 лет в запасе. Выйдя в запас, солдат привлекался на военные сборы, но они не изменяли его образа жизни и занятий. Менее 6 лет служили имеющие образование и вольноопределяющиеся.

Всеобщая воинская повинность позволила ввести порядок формирования армии, который можно сравнить с западноевропейским. Она придавала военному делу

общенародный характер. Необходимо было также переходить от суровой муштры и взысканий к более высокой технической подготовке и образовательному уровню. Уравнивание сословий перед законом и государством было одним из важных реформационных инициатив на пути к созданию гражданского общества. Д.А. Милютин – с 1861 г. военный министр – реорганизовал управление армией, улучшил быт солдат, распространил принципы судебной реформы на военные суды (военно-судебный устав 1867 г.), провел военную реформу 1874 г., учредил юнкерские училища, основал юридические военные классы (с 1867 г.— Военно-юридическая академия).

3. Реформы в области просвещения и печати

Потребности экономической и политической жизни страны делали необходимыми изменения в организации народного образования. В 1864 г. было опубликовано "Положение о начальных народных училищах", которое расширило сеть начальных учебных заведений. По "Положению" начальные училища разрешалось открывать общественным учреждениям и даже частным лицам, однако все они находились под контролем училищных советов. Преподавали в начальной школе письмо, чтение, правила арифметики, закон божий и церковное пение. Большинство начальных школ было земскими (создавались земствами), церковно-приходскими и "министерскими" (учрежденные Министерством народного просвещения). В 1864 г. был введен новый устав гимназий, которые стали разделяться на классические (ориентированные на дворянских и чиновничьих детей) и реальные (в основном для детей буржуазии). Учились в гимназиях 7 лет. В классических гимназиях делался упор на тщательное изучение древних языков (латыни и греческого), в реальных вместо "классических" языков читались расширенные курсы естественных наук. Выпускники классических гимназий могли без экзаменов поступать в университеты, "реалисты", в основном, шли в технические высшие учебные заведения. Количество начальных и средних учебных заведений в России в пореформенный период быстро возрастало. В конце 50-х годов их было около 8 тысяч, в начале 80-х годов – свыше 22 тыс., а к середине 90-х годов свыше 78 тыс. Однако и к концу XIX в. Россия оставалась страной неграмотных, их было почти 80%. В 1863 г. вступил в действие новый университетский устав, который восстанавливал и расширял автономию университетов. В стране открывались новые высшие учебные заведения, в том числе технические, а также женские курсы в Москве, Петербурге, Киеве. В ходе преобразований правительство было вынуждено пойти на ряд уступок в области цензуры. "Временные правила для печати" (1865) частично отменяли предварительную цензуру в столицах, но вместе с тем устанавливали судебную ответственность для лиц, нарушивших законодательство в этой области. Таким образом, несмотря на противодействия консервативных кругов, в России в 60-70-е годы был реализован целый комплекс буржуазных реформ. Многие из них были противоречивыми и непоследовательными, однако в целом они были шагом вперед по пути превращения русской феодальной монархии в монархию буржуазную, способствовали развитию в стране капиталистических отношений, росту экономики и культуры, подняли престиж России в сфере международных отношений. Революционная ситуация в стране не переросла в революцию. Реформировав политическую надстройку общества, самодержавие сумело сохранить за собой основные позиции, это создавало предпосылки для возможного поворота, движения вспять, которое проявилось в период реакции и контрреформ 80–90-х годов XIX в.

Среднеобразовательные школы для женщин в Западной Европе до второй половины XIX в. были мало распространены, а доступ в университеты стал распространяться лишь во второй половине XIX в. В России во второй половине XVIII в. был открыт Смольный институт для представительниц семей высшего дворянства (1764 г.). Открытые женские гимназии для всех сословий стали появляться лишь в 60-х гг. XIX в. К концу XIX в. вопрос о высшем образовании для женщин в России стал весьма

актуальным. Были созданы высшие медицинские курсы в Петербурге (1872 г.). Лишь в начале XX в., в годы, последовавшие за первой русской революцией, женщины стали приниматься в университеты в качестве вольнослушателей (т. е. в числе допущенных к лекциям и занятиям, но не считающихся формально студентами). В конце XIX — начале XX в. русские женщины, стремившиеся получить высшее образование, учились в Швейцарии, Германии.

Эпоха реформ и развитие основ гражданского общества, естественно, делали актуальным вопрос об образовании для женщин. До реформы для них существовали лишь институты и частные пансионы, в которых обучались дворянки. В середине XIX в. стали возникать женские гимназии для учениц всех сословий, причем не закрытые (как институты благородных девиц), а открытые, с приходящими ученицами. Духовное ведомство стало открывать женские епархиальные училища.

Актуальность приобретали вопросы получения женщинами высшего образования. Одной из первых важных инициатив в этом отношении стало открытие в Петербурге известным профессором, академиком, историком К. Н. Бестужевым (1829—1897) Высших женских курсов (1878 г.). Он руководил курсами в Петербурге с 1878 по 1882 г. В честь создателя Высшие женские курсы называли Бестужевскими.

4. Финансовые реформы

Потребности капиталистического развития требовали реформировать и упорядочить все сферы жизни феодальной России — в частности, и финансы, совершенно расстроены за время Крымской войны. В 1860 г. Александр II повелел отменить с 1 января 1863 г. откупную систему, при которой отдавался на откуп частным лицам сбор косвенных налогов с населения за соль, табак, вино и т.д. Вместо откупов, изобиловавших злоупотреблениями, была введена более цивилизованная акцизная система, которая регулировала поступление косвенных налогов в казну, а не в карманы откупщиков. В том же 1860 г. был учрежден единый Государственный банк России (вместо прежнего многообразия кредитных учреждений) и упорядочен государственный бюджет: впервые в стране начала публиковаться роспись доходов и расходов.

После этих реформ финансовая политика царизма стала более рациональной, но сохранила общую сословную направленность. Крестьяне, мещане и ремесленники продолжали выплачивать феодальную подушную подать, которую ввел еще Петр I и от которой привилегированные сословия (дворянство, духовенство, купечество) были освобождены, а крестьяне, кроме того, задыхались от оброчных и выкупных платежей государству. Государственный бюджет, как и прежде, строился в интересах защиты «верхов» от «низов»: больше 50% расходов шло на содержание армии и государственного аппарата и лишь 9% — на народное образование, медицину, социальное попечение.

До середины XIX в. дворянство обладало фактически налоговым иммунитетом: не платило прямых налогов. С 1863 г. дворяне стали платить новый государственный налог с городских недвижимостей, с 1872 г. государственные земские повинности с 1875 г. — государственный поземельный налог в сельской местности и т. п. С начала 1860-х гг. российская налоговая система стала радикально изменяться: она переходила с подушного принципа на подоходный, тяжесть налогового бремени перемещалась с бедных на зажиточные слои населения. Соответственно налоговое бремя дворянства стало возрастать, что хорошо видно из следующего расчета. В 1859 г., по расчетам чиновников Министерства финансов, «высшие классы», дворянство и купечество, обеспечивали поступление в казну 17% доходов, а низшие — 76% (7% государственных доходов приносили монетная, горная и другие регалии и государственное имущество). В 1887 г., по расчету известного финансиста Н.П. Яснопольского, соответственно — 37.9%, 55.1% и 7%. Для сравнения в Великобритании это соотношение составляло 52:40:8, во Франции — 49:30:21, в Пруссии — 30:29:41. Следовательно, из общей суммы собственно налогов на

высшие классы в 1859 г. приходилось 18%, на низшие — 82%, а в 1887 г. соответственно — 41% и 59%. Таким образом, привилегии по уплате налогов дворянство потеряло.

Все реформы 1861—1874 гг. преобразовали экономический, социальный и политический уклад российского государства так, что началось его превращение из феодальной в буржуазную монархию. Крестьянская реформа 1861 г. изменила экономическую страну. Россия твердо встала на путь капиталистического развития. Реформы 1862—1874 гг. (в особенности земская, городская, судебная и военная) модернизировали старую политическую систему. Отныне Россия быстрее, чем когда-либо ранее, пошла вперед к высотам мировой цивилизации. Однако ни одна из реформ 1861—1874 гг. не стала в полной мере последовательной. Каждая из них сохранила в себе остатки феодальной старины, что ограничивало ее прогрессивность, осложняло ход национального развития России после 1861 г. и, по сравнению с открывшимися возможностями, замедляло его.

В чем причина такого явления? В том, что все реформы 1860–70-х годов были навязаны «верхам», вырваны у них, но осуществлялись, хотя и против их воли, их же собственными руками. Император и его окружение, уступая объективной необходимости и давлению оппозиции, хотели все же сохранить как можно больше из старого и многое сохраняли. Александр II при желании мог бы сыграть роль «революционера на троне», радикализировать свои реформы и увенчать их дарованием стране хотя бы умеренной конституции, которую предлагал в октябре 1863 г. министр внутренних дел П.А. Валуев.

Для развития политической культуры России особое значение имело восприятие концепции гражданского общества и правового государства. Заимствованная из германской философии права, эта концепция стала основой либеральных политических реформ второй половины XIX в. Согласно данной доктрине государство и общество имеют равный статус, а отношения между ними регулируются при помощи права. Высшее выражение данная логика получает в конституционном ограничении власти, при котором бюрократия служит уже не обществу, а государству.

По весьма умеренному валуевскому проекту при Государственном совете образовывалась своего рода «нижняя палата», а именно Съезд государственных гласных, на 4/5 избранных от земств, городов и окраин, где земства не было, а на 1/5 назначенных царем. Реализация этого проекта превратила бы Государственный совет в подобие двухпалатного парламента. Александр II, однако, не захотел обратить цикл своих реформ в «революцию сверху». В конце концов такая нерешительность, половинчатость в реформах будет стоить самому Александру II жизни, а России — потрясений. В начале XX в. Россия переживет три революции кряду.

Литература

1. История России. XIX век: Учебник для студентов высших учебных заведений: В 2 ч. / Под ред. В.Г. Тюкавкина. – М., 2001. – Ч.2.
2. Федоров В.А. История России. 1861–1917: Учебник для вузов. – 2-е изд., испр. – М., 2003.

Источники

1. Хрестоматия по истории СССР 1861–1917: (По спец. «История» / Под. ред. В.Г. Тюкавкина). – М., 1990.

Лекция 2. Социально-экономическое развитие пореформенной России

План

1. Территория, административное деление и население России во второй половине XIX в.
2. Изменения в положении основных сословий России в пореформенный период.
3. Сельское хозяйство России в 60–90-е гг. XIX в.
4. Развитие промышленности в пореформенной России.

1. Территория, административное деление и население России во второй половине XIX в.

Территория России во второй половине XIX – начале XX вв. охватывала значительную часть Восточной Европы, Северную Евразию, Аляску, Среднюю Азию и Закавказье. Если в середине XIX в. территория России составляла 19,6 млн. км, то в конце XIX в. ее территория занимала 22,4 млн. км². Она была и остается самым крупным государством в мире. Сопоставимые с ней страны, такие как Канада, Китай, США, располагают территорией в 9–10 млн. км². Одни территории России оказались в составе империи в результате завоевания, другие были присоединены по договору. В 60-х гг. за Россией был закреплен Уссурийский край (Приморье), завершился процесс вхождения в состав России большей части казахских земель, начавшийся еще в 30-е гг. XVIII в. К 1864 г. были окончательно завоеваны горные районы Северного Кавказа, стоявшие жизни 200 тысячам российских солдат и офицеров. В середине 70-х — начале 80-х гг. в состав территории Российской империи вошла значительная часть Средней Азии, а над остальной ее территорией был установлен протекторат. В 1875 г. Япония признала права России на остров Сахалин, а к Японии отошли Курильские острова. В 1878 г. к России были присоединены небольшие земли в Закавказье. Единственной территориальной потерей России стала продажа США в 1867 г. Аляски вместе с Алеутскими островами (1,5 млн км²), в результате чего она покинула американский континент. Полный императорский титул отражал рост Российского государства, законность завоеваний и присоединений, так как признавался всеми государствами, с которыми Россия имела дипломатические отношения.

В середине XIX в. вся Российская империя состояла из 69 губерний. К началу XX в. в России было 78 губерний.

Численность населения всей Российской империи в 1856 г. насчитывала 71,6 млн. чел. В 1897 г. она составила 128,2 млн. человек. Россия являлась самым населенным государством в Европе. На долю России приходилось в 1850 г. — 27% (68.5 из 255 млн), в 1910 г. — 32% (161 из 505 млн) населения всей Европы. В 1914 г. на территории России в границах 1646 г. проживал 41% всего населения, а на присоединенной и захваченной территории — 59%.

2. Изменения в положении основных сословий России в пореформенный период

В 1897 г. в Российской империи насчитывалось 101,6 млн. человек, принадлежавших к крестьянскому сословию (79% населения). Крестьянство в середине XIX в. разделялось на несколько разрядов: 1) государственные, до 1866 г. принадлежавшие казне; 2) помещичьи, до 1861 г. принадлежавшие потомственному дворянству; 3) дворцовые, или удельные, до 1863 г. принадлежавшие императорской фамилии; 4) посессионные, до 1861 г. закрепленные за посессионными мануфактурами. В результате реформ 1860-х гг. все категории крестьян консолидировались в единое сословие свободных сельских обывателей и постепенно стали утрачивать сословные черты, но процесс этот проходил очень медленно, вследствие того, что правительственная политика намеренно консервировала патриархальность деревни и поддерживала

сословные признаки крестьян. Только после отмены выкупных платежей за землю, подушной подати и круговой поруки, после получения права на выход из общины и изменение своего социального статуса в 1906 г. (указом 5 октября 1906 г. крестьяне, как и все лица податных сословий, были уравнены в правах с другими сословиями в отношении поступления на государственную службу, в учебные заведения, в духовное звание и монашество) крестьянство стало быстро превращаться в настоящий класс в истинном значении этого понятия.

К концу XIX в. (1897 г.) численность дворянства увеличилась с 464 тыс. человек в 1858 г. (1,5% всего населения; потомственные – 55%), до 1800 тыс. чел. (2/3 – потомственные и 600 тыс. – личные; составляли 1,5% населения).

В пореформенное время дворянство стало постепенно утрачивать свои сословные привилегии, сближаясь в правовом положении с другими сословиями. В 1861 г. оно утратило монопольное право на владение крепостными. После введения земств в 1864 г. дворяне потеряли монополию на формирование органов местного управления; в результате судебной реформы в 1864 г. дворяне попали под юрисдикцию общесословных судов; с 1874 г. стали на общих основаниях привлекаться к отбыванию воинской повинности.

До середины XIX в. оно обладало фактически налоговым иммунитетом: не платило прямых налогов. С 1863 г. дворяне стали платить новый государственный налог с городских недвижимостей, с 1872 г. государственные земские повинности с 1875 г. — государственный поземельный налог в сельской местности и т. п. С начала 1860-х гг. российская налоговая система стала радикально изменяться: она переходила с подушного принципа на подоходный, тяжесть налогового бремени перемещалась с бедных на зажиточные слои населения. Соответственно налоговое бремя дворянства стало возрастать, что хорошо видно из следующего расчета. В 1859 г., по расчетам чиновников Министерства финансов, «высшие классы», дворянство и купечество, обеспечивали поступление в казну 17% доходов, а низшие — 76% (7% государственных доходов приносили монетная, горная и другие регалии и государственное имущество). В 1887 г., по расчету известного финансиста Н.П. Яснопольского, соответственно — 37.9%, 55.1% и 7%. Для сравнения в Великобритании это соотношение составляло 52:40:8, во Франции — 49:30:21, в Пруссии — 30:29:41. Следовательно, из общей суммы собственно налогов на высшие классы в 1859 г. приходилось 18%, на низшие — 82%, а в 1887 г. соответственно — 41% и 59%. Таким образом, привилегии по уплате налогов дворянство потеряло.

Таким образом, к 1917 г. дворяне утратили юридически все свои сословные права, их престиж уже не имел юридического базиса, а основывался главным образом на традиции и на покровительстве монарха и его правительства. По выражению М. Яблочкова, дворянство превратилось в «почетный класс», в «памятник старины».

К началу XX в. государственная и военная служба уже не являлась прерогативой дворянства, так как в 1905 г. Николай II подписал указ, который открывал широкий доступ к государственной службе всех сословий при установлении лишь образовательного ценза.

Общая численность дворянства в пореформенное время продолжала расти, но число дворян-помещиков продолжало уменьшаться. В результате доля поместного дворянства среди потомственного дворянства быстро и неуклонно снижалась. В общей численности сословия доля поместного дворянства упала с 63% в 1858 г. до 22% в 1905 г. Потеряв крепостных в результате реформы 1861 г., поместное дворянство было вынуждено перестраивать свое хозяйство на основе использования наемной рабочей силы. Основным показателем состоятельности дворян-помещиков стала величина земельной собственности. К мелкопоместным дворянам-помещикам относились собственники 1—109 га земли, к среднепоместным — собственники 110—550 га, к крупнопоместным — собственники более чем 550 га.

Если до 1861 г. положение дворян-помещиков было устойчивым, то на протяжении всего пореформенного периода было характерно сокращение их земельных площадей, происходившее несмотря на поддержку государства, которое только в течение 1857—1887 гг. пожаловало дворянам около 1 млн. га земли и продало по невероятно низким ценам еще столько же. Статистические данные свидетельствуют, что дворянское землевладение постепенно сокращалось: так, если в 1861 г. у дворян было 87 млн десятин земли, то в 1914 г. – 40 млн.

Самодержавная власть пыталась поддержать помещичье землевладение. В целях обеспечения помещиков дешевой рабочей силой принимались различные меры. Закон 1886 г. о найме сельскохозяйственных рабочих обязывал крестьянина подписать договорный акт о работе у помещика на определенный срок и устанавливал строгие меры наказания сельскохозяйственных рабочих за самовольный уход. Закон 1889 г. существенно ограничил переселение крестьян. «Самовольного» переселенца местная администрация обязывалась выслать по этапу на прежнее место жительства.

В 1885 г. был учрежден Дворянский земельный банк для оказания финансовой помощи помещикам в новых условиях капиталистического развития. Дворянский банк должен был выдавать ссуды помещикам под залог их земель на более льготных условиях — под 4,5% годовых, чем Поземельный банк крестьянам — 6,5%.

Защищая идею организации Дворянского банка, К.П. Победоносцев писал Александру III, что «дворянин-помещик всегда благонадежнее чем купец-помещик».

Но, несмотря на все усилия правительства, экономическая мощь дворянства постепенно таяла. Процесс деградации с отменой крепостного права усилился. На рубеже XIX—XX вв. в Европейской России, по данным Особого совещания по делам дворянского сословия, имелись «сотни семей безграмотных, превратившихся в простых хлебопашцев дворян. Экономически многие из них беднее крестьян, но тем не менее и земства, и администрация отказывают им в помощи, обращая их к дворянским сословным органам. Дворянские общества помочь им не могут». Обедневшие дворяне приезжали в города и поступали на государственную или частную службу, занимались предпринимательством, некоторые служили в качестве наемной прислуги, иногда случалось, что женщины-дворянки становились проститутками, а мужчины – люмпенами. Процесс обеднения большей части дворянства сопровождался успешной адаптацией к новым условиям меньшей их части, которой удалось в конце XIX—начале XX в. войти в предпринимательскую элиту России. Вместе с бюрократическими верхами дворянство занимает 1/5 постов в акционерных обществах.

Вслед за утратой экономического могущества дворянство теряло и монополию на власть. Однако этот процесс шел медленно. Дворяне пользовались огромным влиянием в органах местного управления – губернских и уездных земствах, городских думах, назначались руководителями губерний и уездов. Они сохранили корпоративные организации – губернские и уездные дворянские собрания.

3. Сельское хозяйство России в пореформенный период

В пореформенный период Россия продолжала оставаться аграрной страной, в которой уровень развития сельского хозяйства во многом определял состояние экономики в целом. Благодаря преобразованиям 1860-х гг. примерно за 25 лет удалось превратить хозяйство России из преимущественно рыночно-крепостного в развивающееся рыночно-капиталистическое. За это время в стране сложились предпосылки для дальнейшего экономического роста и возник общенациональный рынок. О характере и темпах образования внутреннего рынка в период правления Александра II можно судить по динамике двух показателей: росту железных дорог, создающих необходимую инфраструктуру для общенационального рынка (для России, учитывая ее необъятные пространства — это ключевая задача), и увеличение масштабов коммерческого кредита, что также немаловажно для оценки степени рыночности отношений между

производителями и потребителями. Как один, так и второй показатель характеризовались исключительно высоким ростом: а) протяженность железных дорог (в верстах): 1860 г. – 1 488; 1871 г. – 10 202; 1881 г. – 21 155; б) объем коммерческого кредита (млн. р.): 1860 г. – 15,0; 1873 г. – 656,0.

Эти новые тенденции проявлялись, во-первых, в растущем производстве хлеба на продажу — и внутри страны, и за границу. С 1861 по 1896 г. объем перевозок зерна по железным дорогам России вырос в 2 раза, а вывоз его за рубеж — в 5 раз. Однако достигнут этот прирост был, в основном, за счет расширения посевных площадей. Сельское хозяйство России носило экстенсивный характер. По данным П.А. Хромова урожайность зерновых в 1860–70-х годах составляла в самах–3,7. К середине 1890-х годов она выросла до 4,9. Этот показатель в несколько раз уступал урожайности в развитых европейских странах, но был близок к американскому, где сельское хозяйство в этот период также развивалось экстенсивно. Не было в аграрном секторе и стабильности. Постоянно повторяющиеся неурожаи приводили к массовому голоду (особенно неурожайными были 1891 и 1892 гг.). Во-вторых, развитие капитализма в сельском хозяйстве проявлялось и в усиленном потреблении сельскохозяйственных машин (с 1871 по 1896 г. спрос на них вырос в 3,5 раза). В-третьих, в специализации сельскохозяйственного производства по районам страны: черноземный центр, юг, юго-восточные губернии России (Воронежская, Тамбовская, Самарская, Екатеринославская и др.) вошли в район торгового зернового производства. Торговое скотоводство развивалось в губерниях северных, северо-западных, прибалтийских и в ряде центральных внутренних (Вологодской, С.-Петербургской, Московской, Ярославской и др.). Центрами торгового льноводства стали Псковская и Новгородская губернии, свеклосахарного производства — ряд украинских и западных губерний. Возникли районы виноградарства, табаководства и т.д. В-четвертых, главным признаком капитализма в сельском хозяйстве был рост применения вольнонаемного труда. Число наемных сельскохозяйственных рабочих за 1865–1890 гг. выросло в 5 раз и достигло 3,5 млн. человек.

Рассмотрим, как происходил процесс буржуазной аграрной эволюции в крестьянском и помещичьем хозяйствах пореформенной России.

В русской деревне 1860–90-х годов шел процесс социального расслоения крестьянства (в дореформенный период существовало социальное неравенство среди крестьян) или, как его называли сами крестьяне — "раскрестьянивание". Уже к началу 1880-х годов безлошадные и однолошадные дворы составляли в неземледельческой полосе около 70%, в земледельческой — до 55%. В деревнях укреплялось экономическое и социальное положение нарождающейся сельской буржуазии. В то же время все более расширялся беднейший слой, значительная часть которого уже не могла существовать в новых условиях и уходила в города. Зажиточные крестьяне, кулаки, нанимали деревенскую бедноту к себе на работу. По подсчетам В.И. Ленина, к 1890-м годам из 3,5 млн. сельскохозяйственных наемных рабочих примерно 1,5 млн. были заняты в кулацких хозяйствах. Кулаки использовали наемную силу для выполнения от 48 до 78 % хозяйственных работ. Таким образом, зажиточные хозяйства становились капиталистическими, с наемной рабочей силой, беднейшие — разорялись. Формировались новые категории сельского населения — деревенская буржуазия и сельскохозяйственный пролетариат.

В новых пореформенных условиях помещики вынуждены были перестраивать способы ведения собственного хозяйства. Однако перестройка эта шла, особенно в первые пореформенные годы, весьма медленно. Отсутствие средств, инвентаря, опыта препятствовали созданию капиталистических хозяйств. Помещики в массе своей не имели опыта и не были готовы хозяйствовать по-новому, в условиях свободной рыночной экономики. Например, Юрьевское общество сельского хозяйства специально обсуждало этот вопрос в 1860 г. и пришло к выводу, что большая часть помещиков мало знакома с организацией хозяйства при наемном труде. Аналогичное заключение сделала

правительственная комиссия, возглавляемая П.А. Валуевым, в 1870-е гг. По ее мнению, переходу владельческих имений к вольнонаемному труду мешали две причины: недостаток капитала, знаний и опыта у помещиков и «леность, недобросовестность, своеволие рабочих из крестьян и непрочность заключаемых с ними договоров».

Используя нужду крестьян в земле (помещики прибрали к рукам 1/5 часть крестьянских земель в виде «отрезков»), их прикрепленность к общине, аграрное перенаселение, налоговый гнет и сохранившиеся возможности внеэкономического принуждения, помещики до некоторой степени реставрировали дореформенные порядки в виде отработочной системы¹. В условиях этой переходной модели помещичья земля обрабатывалась трудом и инвентарем освобожденных крестьян за арендованную землю, ссуду хлебом или деньгами, за лесные материалы и т.д. При издольщине крестьяне платили помещику за аренду земли определенной договором долей урожая, при испольщине — половиной урожая. Отработочная система, из-за невысокой производительности труда экономически незаинтересованного работника, не могла долго конкурировать с капиталистическими формами организации хозяйства. Постепенно к 80-м годам XIX в. ее начинают вытеснять другие более прогрессивные формы. В капиталистических же хозяйствах помещик нанимал рабочих и платил им за то, что они обрабатывали его землю его же инвентарем и скотом. При этом помещик, заинтересованный в увеличении своих доходов, заботился о качественной стороне производства: приобретал сельскохозяйственные машины, внедрял агрономические новшества. По данным 1880-х гг., из 43 губерний Европейской России капиталистическая система хозяйствования преобладала в 19, тогда как отработочная — в 17 (еще в 7 губерниях преобладала смешанная система). Но в черноземных губерниях капиталистическая система уступала отработочной (9 губерний против 12). Лишь на рубеже XIX–XX вв., роль отработок в помещичьем хозяйстве снизилась.

В историографии при изучении аграрных отношений в пореформенной России выделяют два пути буржуазного развития в сельском хозяйстве. Первый путь — "прусского" типа (характерный для Пруссии и распространенный к востоку от Эльбы), при котором, как писал В.И. Ленин, "крепостническое помещичье хозяйство медленно перерастает в буржуазное, юнкерское, обрекая крестьян на десятилетия самой мучительной экспроприации и кабалы". "Во втором случае помещичье хозяйство нет или оно разбивается революцией, которая конфискует и раздробляет феодальные поместья". При этом крестьянин превращается в капиталистического фермера. Такой путь нашел свое наиболее яркое выражение в США и был назван "американским". Важно отметить, что в современной историографии нет единства в вопросе о соотношении типов буржуазной аграрной эволюции в России. Дискуссионным является вопрос о реальности или только потенциальной возможности "американского" пути развития капитализма в деревне. На сегодняшний день убедительно выглядит лишь тезис о том, что там, где уровень развития помещичьего землевладения был невысок (Сибирь, Север, окраинные

---

¹ В чем причины длительного существования пережитков крепостного права? В странах Центральной и Восточной Европы отмена крепостного права проходила в два этапа. На первом этапе крепостнические отношения ограничивались, регламентировались, ставились в рамки закона и только спустя 150—200 лет полностью отменялись. Благодаря существованию переходного периода помещики и крестьяне имели возможность постепенно перестроиться и подготовиться к полной экономической свободе, соответственно и экономика страны постепенно перестраивалась. Реформа в России не предусмотрела переходного периода, но ни одна экономическая система не может моментально перейти в другое состояние. Поэтому сама российская реальность устроила переходный период и, естественно, заполнила его крепостническими пережитками. Крепостнические отношения были ликвидированы сверху, а не в силу своего внутреннего разложения; в экономическом смысле они не достигли своего предела. Вследствие этого крестьянство и помещики в массе своей не имели опыта и не были готовы хозяйствовать по-новому, в условиях свободной рыночной экономики. В стране отсутствовали достаточные объективные условия для организации капиталистических и фермерских хозяйств: отсутствовал рынок свободной рабочей силы и земли, поскольку до 1907 г. запрещалась свободная мобилизация крестьянской земли.

районы империи), фермерский путь развития капитализма являлся реальностью. Вместе с тем, в "старых", крепостнических, районах страны, несомненно, преобладал "пруссский" путь развития.

Борьба крестьянства и помещиков за реализацию того или иного пути аграрной эволюции, проходит через всю пореформенную историю России. Главным препятствием в развитии аграрного сектора экономики стало помещичье землевладение, во многом определившее отсутствие земли у миллионов крестьян. Историческая практика продемонстрировала бесперспективность консервативного пути развития, но в силу преобладания помещичьего землевладения и пережитков в российской деревне не смог одержать победу и фермерский путь. Реформы не разрешили этого острейшего конфликта, который привел к возникновению новых общественных потрясений.

4. Развитие промышленности в пореформенной России.

В пореформенные годы экономика России вступила в период промышленного капитализма, ознаменовавшийся ростом и концентрацией крупной машинной индустрии, завершением промышленного переворота, формированием пролетариата и промышленной буржуазии. В стране возник устойчивый рынок рабочей силы, были созданы условия, стимулировавшие накопление капитала, все более заметно в самых разных отраслях промышленности и на транспорте проявлялся технический прогресс. Расширялся внутренний рынок, сырье и промышленные товары все чаще вывозились за пределы России. Особенностью экономики в это время являлось параллельное сосуществование мелкого товарного производства (крестьянских промыслов), мануфактур (основанных на ручном труде) и фабрично-заводской промышленности, оснащенной паровыми машинами.

Зарождающаяся крупная промышленность еще не могла вытеснить традиционно существовавшие в России кустарные крестьянские промыслы, обслуживавшие миллионы человек. В условиях растущей конкуренции эти промыслы распространялись от старинных центров на окраины. Такие веками существовавшие специализированные промыслы были практически во всех губерниях России. Так, например, на Северо-Западе были развиты разнообразные промыслы новгородских крестьян (железоделательные и лесные), псковичи занимались переработкой льна и продуктов животноводства и т.п.

В первые пореформенные годы среди отраслей русской промышленности наиболее прочные позиции занимали текстильная и пищевая. Крупными центрами производства хлопчатобумажных тканей были Москва и Подмосковье, С.-Петербург, Прибалтика. Текстильная промышленность была в первую очередь, еще в 30-40-е годы, втянута в орбиту промышленного переворота. Успехи ее в пореформенный период (60 – середина 90-х годов) были весьма значительны, так производство хлопчатобумажной продукции выросло за это время примерно в 5 раз, численность механических станков увеличилась с 11 до 87 тыс. (данные на 1890 г.). Однако развитие текстильной промышленности шло неравномерно. С развитием капитализма в России в экономике все более отчетливо стали проявляться промышленные циклы: подъемы сменялись депрессиями и спадами. Так, в первые пореформенные годы производство хлопчатобумажных тканей значительно сократилось (сказалось отсутствие хлопка, который поступал из США, охваченных войной между северными и южными штатами). Подъем продолжался затем до 1867 г., когда вновь на два года наступило снижение производства. Кризисные явления отмечались также в 1873 и 1883 гг.

Важнейшим событием этого периода в тяжелой промышленности России стало создание на юге страны (Донбасс, Кривой Рог) новой угольно-металлургической базы. После реформы 1861 г. старый металлургический центр на Урале переживал состояние депрессии и спада. Так, уровень производства чугуна на 1860 г. был достигнут только к 1870 г. Однако постепенно в связи с расширением добычи каменного угля на юге страны (к 90-м годам здесь добывалось около 70% каменного угля), строительством новых

заводов, развитием железнодорожной сети, стимулировавшим производство металла, темпы роста металлургической промышленности заметно возросли. К концу века Россия стала возвращать утраченные позиции, обогнав по производству чугуна Австро-Венгрию, Бельгию и даже Францию, и вышла на 4-е место в мире.

Важным событием в экономической жизни страны стало развитие Бакинского нефтедобывающего района, который к середине 90-х годов стал давать 90% нефти, добываемой в стране. Здесь шло интенсивное перевооружение отрасли, вкладывались значительные капиталы (в том числе и иностранные). Русский керосин на международном рынке составил серьезную конкуренцию американскому. По уровню добычи нефти Россия в 90-е годы сравнялась с США, а затем в течение нескольких лет даже удерживала лидерство.

Крупные сдвиги произошли в русском машиностроении. В 1861 г. в этой отрасли насчитывалось около 100 предприятий, на которых работало примерно 12,5 тыс. рабочих. К 1897 г. численность таких предприятий выросла до 680, а число работающих – до 120 тыс. человек. Крупными центрами машиностроения стали С.-Петербург, Москва, Коломна, Сормово, Одесса, Харьков, Бердянск и другие города.

Важным социальным итогом развития отечественной экономики в пореформенный период стало формирование двух антагонистических классов - промышленного пролетариата и буржуазии. Существенным отличием пролетариата 60–90-х годов XIX в. от "предпролетариата" дореформенной России стало то, что рабочие окончательно порывают с деревней, переселяются в города. Постепенно формируется кадровый пролетариат, с более высоким культурным уровнем, обладающий высоким профессионализмом. Численность рабочих на крупных предприятиях, на транспорте, в добывающей промышленности за 35 лет выросла в 3 раза. Общая же численность наемных рабочих в России (с учетом строительных рабочих, работников в сельском хозяйстве и т.п.) в конце 90-х годов составила около 10 млн. человек.

Российская промышленная буржуазия формировалась в пореформенное время из среды купечества (именно в сфере торговли и ростовщичества наиболее интенсивно шел процесс первоначального накопления капитала), мещанства, зажиточного крестьянства. Выходцами из крестьян были крупнейшие промышленники – Морозовы, Прохоровы, Рябушинские, Гучковы, Коноваловы.

Наиболее заметным явлением в развитии транспортной системы России стало бурное строительство железных дорог. Так, в 1860 г. в стране имелось только 1,5 тыс. верст железных дорог, в 1871 г. – 10 тыс., а уже в 1881 г. – 21 тыс. верст. Железнодорожное строительство стимулировало развитие сельского хозяйства и промышленности (металлургия, машиностроение) ускорило концентрацию капиталов. Железные дороги имели большое оборонное значение, способствовали проведению военных реформ (помогали осуществлять быструю мобилизацию резервов в военное время). В пореформенный период Москва становится крупным железнодорожным узлом страны, связанным с северными, поволжскими, черноморскими губерниями, с конца 70-х годов начинается строительство железных дорог на окраинах России, к 90-м годам была построена часть Транссибирской магистрали, сыгравшей важную роль в развитии Сибири и Дальнего Востока.

Первоначально правительство к железнодорожному строительству пыталось, как можно шире привлечь частный капитал, гарантируя ему выгодные заказы и 5%-ную прибыль. Однако строились дороги медленно и плохо, процветали злоупотребления, частные кампании оказались опутанными долгами. В связи с этим с 80-х годов правительство начинает само строить новые железные дороги и выкупать старые в казну.

Более медленными темпами развивалось в стране строительство шоссежных дорог, совершенствовалась система каналов. Технический прогресс на транспорте привел к увеличению числа паровых двигателей (паровозов и пароходов). Так, в 1860 г. в России имелось около 400 пароходов, а к 1895 г. численность их выросла до 2,5 тыс.

В пореформенные годы расширялся внутренний рынок – этому способствовала растущая специализация отдельных регионов, развитие транспортной системы, рост численности городского населения. Заметно вырос объем внешней торговли (за 40 послереформенных лет в 3 раза). Особенностью структуры внешней торговли России был преобладающий вывоз сельскохозяйственной продукции (прежде всего зерна, льна и т.д.), ввозились в Россию хлопок, текстиль, машины, "колониальные товары". Важнейшими торговыми партнерами России в этот период были Германия и Англия.

Совершенствовалась банковская система страны. В 1860 г. был открыт Государственный банк России, проводивший очень крупные операции. В пореформенные годы наблюдался быстрый рост акционерных коммерческих банков (некоторые из них терпели банкротство, однако общая численность таких банков неуклонно возрастала). Заметно увеличились суммы вложений иностранного капитала в русскую экономику (добычу каменного угля и нефти, производство металла и машиностроения, химическую промышленность, банки, городское хозяйство). Иностранные вложения ускоряли развитие капитализма в стране, способствовали созданию новых отраслей промышленности, наполнению товарами внутреннего рынка, увеличению экспорта. Следует, однако, иметь в виду, что такие вложения, сопровождавшиеся уплатой высоких процентов, держали в напряжении финансовую систему страны.

Развитие капитализма в России шло как вглубь (путем развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве и промышленности на определенной ограниченной территории), так и вширь. Под последним понимается распространение российского капитализма на новые, окраинные территории. Этот процесс являлся своего рода отдушиной для развития капиталистических отношений, опутанных в центральных районах многочисленными феодальными пережитками. Он снижал накал противоречий, и как следствие, сдерживал развитие капитализма вглубь.

На окраинах империи развитие капитализма шло неравномерно. Так, промышленность Прибалтики, Польши, Украины не уступала соответствующим отраслям великорусских губерний, а по уровню развития сельского хозяйства эти районы даже опережали центр. Россия позже других экономически развитых стран начала движение по пути капитализма, но благодаря ускоренным темпам, сумела вступить в стадию империализма одновременно с развитыми странами Европы и Америки. Однако не следует забывать, что по уровню экономики она уступала развитым передовым капиталистическим странам.

Литература

1. История России. XIX век: Учебник для студентов высших учебных заведений: В 2 ч. / Под ред. В.Г. Тюкавкина. – М., 2001. – Ч.2.
2. Федоров В.А. История России. 1861–1917: Учебник для вузов. – 2-е изд., испр. – М., 2003.

Источники

1. Хрестоматия по истории СССР 1861–1917: (По спец. "История" / Под. ред. В.Г. Тюкавкина). – М., 1990.

Лекция 3. Внутренняя политика российского правительства в 80-х гг. – начале 90-х гг. XIX в.

План

1. Политический кризис на рубеже 70–80-х гг. XIX в.
2. Политика лавирования. «Конституция» М.Т. Лорис-Меликова.
3. Александр III. Курс правительства на «контрреформы».
4. Разработка официальной доктрины внутривластного курса России.

1. Политический кризис на рубеже 70–80-х гг. XIX в.

Крестьянская реформа не смогла решить проблемы в сельском хозяйстве страны. Помещичье землевладение оставалось главным тормозом в его развитии. На одно помещичье хозяйство приходилось в среднем по стране 4666 десятин, а на крестьянское – 5,2 десятины. В деревне росло малоземелье, увеличивались недоимки и нищета. Заметно возросла арендная плата за землю. Тяжело сказались на состоянии крестьянских хозяйств неурожай 1879–1880 гг. В конце 70-х годов наблюдается новый подъем крестьянского движения в стране, которое хотя и не достигло уровня конца 50 – начала 60-х годов, но по накалу борьбы заметно превысило предшествующие годы. В 19 волостях Чигиринского и Черкасского уездов Киевской губернии в волнениях участвовало 40–50 тыс. крестьян. Важным показателем недовольства масс стал рост стачечной борьбы пролетариата, на уровне жизни которого сказались кризисные явления конца 1870-х годов. Положение трудящихся значительно ухудшилось также в результате русско-турецкой войны. Волнения охватили русское студенчество. В условиях надвигающегося политического кризиса наступило оживление либерального движения, проявившееся, прежде всего, в активности земств. 1–2 апреля 1879 г. в Москве состоялся первый земский съезд. Здесь 30–40 левых либералов обсуждали идею создания собственного тайного общества для борьбы за конституцию. Либералы хотели ограничить самодержавие конституцией, дабы избежать деспотизма и произвола. Либералы не выступали против ликвидации помещичьего землевладения, но требовали прирезать землю крестьянам за счет тех участков, которые были отрезаны у них помещиками в 1861 г., обеспечить минимально «достаточную норму» крестьянского надела и таким образом сгладить остроту социального антагонизма в стране. «Лучше прирезать землю крестьянам, чем ждать, когда они нас прирежут», — говорили либеральные помещики.

После преобразования пропагандистской революционной организации «Земля и воля» в боевую террористическую организацию «Народная воля», покушения направлялись главным образом на личность царя. Революционеры не останавливались перед организацией подкопов, взрывов мостов, поездов и домов в городах, несмотря на то, что осуществление этих покушений грозило жизни многих десятков людей [см. пример покушения С. Перовской и С. Ширяева на Александра II 19 ноября 1879 г. из предыдущей лекции]. Правительство в этих условиях растерялось и судорожно прибегало к различным репрессивным мерам, которые только обостряли борьбу с революционерами и делали невыносимой жизнь мирных обывателей. Только в 1879 г. власть приняла 445 законов полицейского назначения – всероссийский рекорд XIX в.

О том как была накалена в 1879 г. обстановка в России, свидетельствуют информированные современники. 3 декабря 1879 г. военный министр Д.А. Милютин записал в своем дневнике «Вся Россия можно сказать, объявлена в осадном положении». «Все мечутся в страхе», — вторит ему управляющий морским министерством адмирал И.А. Шестаков. «Просто в ужас приходишь от одной мысли, не на Везувии ли русское государство?» — жалуется сенатор Я.Г. Есипович. «Почва зыблется, зданию угрожает падение», — заключает председатель Комитета министров П.А. Валуев.

2. Политика лавирования. «Конституция» М.Т. Лорис-Меликова.

В конце 1879 г. в придворных и в высших административных сферах начинают все яснее сознавать, что борьба с «крамолой», ведущаяся одними репрессивными мерами, не может привести к успеху. Поэтому неслучайно, что через неделю после неудачной попытки покушения на Александра II, предпринятой С. Халтуриным, 12 февраля 1880 г. была создана «Верховная распорядительная комиссия по охранению государственного порядка и общественного спокойствия» во главе с графом М.Т. Лорис-Меликовым, которая проработала до 1 мая 1880 г. Он был наделен почти неограниченными полномочиями. К моменту своего назначения Лорис-Меликов был хорошо известным в России государственным деятелем. В ходе русско-турецкой войны 1877—1878 гг. он штурмом взял Карс, считавшийся неприступным, а два года спустя нейтрализовал эпидемию чумы в Поволжье, когда казалось, что уже никто не сможет с нею справиться. Наконец, в 1879—1880 гг., будучи харьковским генерал-губернатором, Лорис-Меликов действовал достаточно энергично, чтобы заслужить одобрение правительства, и достаточно осмотрительно, чтобы не вызвать к себе особой ненависти революционеров. Он оказался единственным из генерал-губернаторов, кого ИК «Народной воли» не включил в список приговоренных к смерти.

Смысл своей диктатуры Лорис-Меликов видел в том, чтобы создать благоприятные условия для победы над революцией посредством репрессий против революционеров одновременно с послаблениями по отношению к либералам, дабы привлечь последних на свою сторону. В этом смысле он и действовал расчетливо и энергично. С одной стороны, Меликов расправлялся с революционерами: за 14 месяцев его диктатуры власти устроили 32 судебных процесса (почти все — в закрытом порядке) с 18 смертными приговорами. С другой стороны, Лорис-Меликов проводил в жизнь меры либерального характера: обещал расширить права земства; назначил сенаторские ревизии для расследования чиновничьих злоупотреблений, упразднил 3 отделение, подчинив его МВД, а сам министр становился шефом жандармов [планомерное сосредоточение репрессивной власти в руках одного учреждения]; сместил с поста министра просвещения самого ненавистного из царских министров Д.А. Толстого. А.А. Сабуров, заменивший его, пытался вернуться к политике либерального министра Головнина. Затем был устранен бездарный министр финансов генерал Грейг (один из столпов реакции в Комитете министров). Его заменил либеральный бюрократ А. Абаза.

Правление Лорис-Меликова либералы окрестили «диктатурой сердца». Сам Лорис-Меликов слыл «бархатным диктатором». В Харькове воздвигли в его честь триумфальную арку с надписью: «Победителю Карса, чумы и всех сердец». Популярность Лорис-Меликова в либеральных кругах достигла зенита, когда он (6 августа 1880 г.) распустил Верховную распорядительную комиссию и оставил себе скромный пост министра внутренних дел, что означало лишь переименование диктатуры Меликова и превращение ее из временной в постоянную. Однако газета «Народная воля» определила диктатуру Лорис-Меликова: «лисий хвост — волчья пасть». В радикальных кругах ходила по рукам эпиграмма:

Мягко стелет — жестко спать:
Лорис-Меликовым звать.

28 января 1881 г. Лорис-Меликов представил Александру II доклад, в котором подвел итоги деятельности Верховной распорядительной комиссии и изложил проект «умиротворения» страны. Предлагалось создание двух временных подготовительных комиссий (финансовой и административной) из представителей земств и назначенных правительством чиновников для выработки плана преобразования губернского управления, пересмотра земского и городского положений, а также законоположений по отдельным хозяйственным и финансовым вопросам. Далее предусматривалось привлечь от 10 до 15 представителей земского и городского управления к участию в рассмотрении

этих законопроектов в Государственном совете. Таким образом, в этом проекте ничего общего с конституционным устройством не было

Сначала все предполагало, что Лорис-Меликовский проект будет шагом к конституции. Царизм вынужден был уступать силе демократического натиска. «Да ведь это Генеральные Штаты!» — возмутился Александр II, прочитав «конституцию» Лорис-Меликова, но... одобрил ее и 1 марта 1881 г., за считанные часы до смерти, назначил на 4 марта заседание правительства для того, чтобы обсудить вопрос о предстоящей реформе. Дальнейший ход событий круто изменил соотношение сил.

2. Александр III. Курс власти на контрреформы

Существенным фактором, способствовавшим развитию кризиса, была деятельность народников. Ряд предпринятых ими террористических актов, завершился гибелью Александра II. 1 марта 1881 г. «Народная воля» привела в исполнение смертный приговор Александру II. Около 2 часов 30 минут пополудни царь ехал из Михайловского дворца (ныне Русский музей) в Зимний дворец через Екатерининский канал. В том месте, где теперь стоит церковь «Спас на крови», царскую карету ждали три бомбометальщика, которых расставила здесь Софья Перовская. Первым бросил бомбу Николай Рысаков. Бросил метко. Бомба разбила карету и ранила несколько казаков из царской охраны, но Александр II вылез из разбитой кареты цел и невредим. В следующее мгновение второй метальщик Игнатий Гриневицкий бросил свою бомбу оземь между собой и царем: бомба поразила обоих.

Цареубийство повергло в транс политическую элиту страны. 3 марта председатель Комитета министров П.А. Валуйев предложил новому царю Александру III назначить регента на случай, если его тоже убьют. Царь обиделся и десять дней делал вид, что никогда не согласится на такое самоунижение, но 14 марта все-таки назначил регента (великого князя Владимира Александровича, своего брата), а сам, стремясь скрыться от террористов, поспешно переселился из Петербурга в Гатчину. Близкий ко двору генерал А.А. Киреев 7 апреля записывал в дневнике: «Царь сидит в Гатчине безвыездно, ничего не говорит, ничем о себе не заявляет». Между тем аристократический Петербург был в панике. Катков и Победоносцев с прискорбием констатировали «маразм власти».

Однако не смотря на дезорганизацию власти, «Народная воля» явно переоценила силу своего натиска на правящие круги. Колебания правительства она ошибочно приняла за «последние предсмертные конвульсии».

1 марта 1881 г. в России начал царствовать новый предпоследний император Александр III. Идеалом правителя он считал не отца своего Александра II, а деда — Николая I. Он был образцовым семьянином, не любил интриганов и подхалимов. Новый император был скромнен в быту, экономно носил залатанные штаны, первым из русских царей с XVII в. демократически отрастил себе бороду. Достигший к моменту своего восшествия на престол 36 лет, новый царь Александр III вполне сформировался как личность и по своим взглядам был последовательным приверженцем охранительной идеологии. Правда, далеко не все в «верхах» и тем более и обществе имели ясное представление о политических симпатиях Александра III: он был достаточно сдержан в своих публичных оценках политики отца. При обсуждении Лорис-Меликовской «конституции» великий князь Александр Александрович поддержал ее вместе с другими высшими сановниками, среди которых были и консерваторы. Позицию цесаревича и его единомышленников определили всемогущество и могущество министра внутренних дел, пользовавшегося безграничным доверием Александра II. Но в ближайшем окружении Александр Александрович не скрывал неприязни к отцовским преобразованиям. Резиденция наследника Аничков дворец становится одним из центров притяжения консервативных сил. Политическим учителем цесаревича сделался его бывший наставник, образованный профессор-правовед Московского университета, почетный член еще 5

университетов и Французской академии наук К.П. Победоносцев, ставший в 1880 г. обер-прокурором Св. Синода (в Европе его называли «русский папа»).

Последовательно, не боясь наскучить повторением, Победоносцев внушал будущему самодержцу, что «вся тайна русского порядка и преуспеваний – наверху, в лице верховной власти». Если власть слабеет и распускается – слабеет и распускается вся земля. Воспринимая конституционные веяния в пореформенном обществе как угрозу самодержавию, Константин Петрович призывал цесаревича к бдительности, предостерегая, что угроза эта может стать реальностью.

И вот такой момент наступил. Именно Александру III предстояло решить судьбу лорис-меликовской «конституции». Назначенное покойным императором ее обсуждение в Совете министров 4 марта было перенесено на 8 марта. Понимая опасность промедления, М.Т. Лорис-Меликов уже 6 марта вручил императору «всеподданнейший доклад» и проект правительственного сообщения о переменах в системе управления. Одновременно с докладом Лорис-Меликова император получил 6 марта письмо Победоносцева, призывавшее не слушать либеральных доводов в пользу проекта министра внутренних дел и порвать с курсом Лорис-Меликова. «Час страшный и время не терпит, или теперь спасать Россию или никогда». – возвещал он царю. 8 марта Константин Петрович, почувствовавший себя в эти дни предводителем консервативной партии, дал решительный бой Лорис-Меликову и его соратникам.

Присутствовавшие на заседании министры, великие князья и сам обер-прокурор Синода, как и царь, отдавали себе отчет, что речь будет идти не столько о проекте Лорис-Меликова, сколько о дальнейшем пути России. В центре обсуждения 8 марта в Зимнем дворце стал вопрос о совместимости самодержавия и общественного представительства. Либеральная группировка (в лице самого министра внутренних дел, военного министра Д.А. Милютина, министра финансов А.А. Абазы и их сторонников) настаивала на возможности полной гармонии между ними. Совещательный характер представительства, оставлявший неприкосновенными прерогативы самодержавия, казалось, был тому порукой. Но консерваторы-ортодоксы этих доводов не приняли, усмотрев в лорис-меликовском проекте как раз угрозу самодержавной власти.

Особенно резко высказался о предложениях Лорис-Меликова К.П. Победоносцев. В своем монологе он, по сути, осудил все преобразования 1860-х годов, доказывая, что они поставили страну на край гибели. Созыв же общественных представителей для участия в управлении станет окончательной гибелью державы. Апеллируя к личным чувствам царя он простирал руки к портрету покойного Александра II, восклицая: «Кровь его на нас!».

Консерваторы оказались на заседании 8 марта в меньшинстве. Против проекта Лорис-Меликова кроме К.П. Победоносцева подал голос граф С.Г. Строганов – уже отставленный от дел, но специально приглашенный на обсуждение по совету обер-прокурора. Высказались против также министр почт и телеграфа Л.С. Маков и министр путей сообщения К.Н. Посьет.

И все же, оказавшись в большинстве, сторонники преобразований в системе управления победителями себя не ощущали: решающим было мнение царя, а оно достаточно ясно обозначилось на заседании 8 марта. Скупыми, но выразительными репликами Александр III дал понять свое отрицательное отношение к реформам прошлого царствования и к их продолжению.

Однако сплотиться либеральной бюрократии в этот решающий момент противостояния консервативным силам так и не удалось. Представ блестящим политиком в пору, когда пользовался поддержкой самодержца, М.Т. Лорис-Меликов оказался беспомощным и бессильным, лишившись ее. Александр III и Победоносцев с удовлетворением наблюдали, как от всемогущего недавно министра уловив настрой нового монарха отпадали союзники, усиливая ряды консерваторов.

Группировавшиеся вокруг министра внутренних дел способные, знающие, опытные деятели были на голову выше тех, что теснились вокруг Победоносцева, признанного лидера консерватизма. В окружении обер-прокурора не оказалось ярких и талантливых личностей, о чем он сам немало сокрушался в письмах царю. Но этим посредственностям оказалось легче сговориться и сплотиться, чем их либеральным противникам. «Коалицией честолюбий» назвал М.Н. Катков либеральную группировку. Как и надеялись консерваторы, силы, которая могла бы оказать натиск на самодержавную власть, в стране не оказалось. Речь, разумеется, не о том, что у народовольцев не хватило ресурсов продолжить борьбу: новые покушения на царя только повредили бы делу, но общество не выработало способов легального воздействия на власть. В стране так и не сложилась либерально-демократическая коалиция, которая бы заставила самодержавие пойти на уступки общественным требованиям. Стронникам представительного управления (в его разных вариантах) расхождения в их программах казались более существенными, чем сходство. Способность политических сил к объединению, к компромиссам – черта развитого гражданского общества, к которому Россия делала только первые шаги.

Обескровленное, загнанное в глубокое подполье, особенно после казни 3 апреля 1881 г. пятерых «первомартовцев» (Желябов, Перовская, Кибальчич, Михайлов и Рысаков; Гесе Гельфман из-за беременности казнь отсрочили), революционное движение, разобщенная, несмелая, дезорганизованная либеральная оппозиция, ослабленная, усомнившаяся в успехе своих начинаний либеральная администрация – все это давало охранителям надежду на преодоление кризиса самодержавия.

Общество, несколько лет стоявшее на пороге революционных событий, устало от динамитных взрывов, подкопов, заговоров, военных судов, виселиц. 1 марта 1881 г., казалось, подвело страну к той черте, за которой мог последовать террористический беспредел и анархия. Все больше обнаруживалось в самых разных общественных слоях тяготение к нормальной жизни, к порядку, к стабильности. К.П. Победоносцев был не так уж не прав, доказывая царю, что «смятенная и расшатанная Россия» жаждет, «чтобы повели ее твердой рукой». Тяга к твердой власти как реакция на затянувшуюся революционную ситуацию сказалась и в либеральной среде, о чем свидетельствует, в частности, записка царю Б.Н. Чичерина. «Сама жизнь вступила в роль охранителя, и инстинкт самосохранения заговорил почти везде громче всяких писателей, либеральных и консервативных», – делился своими наблюдениями В.П. Мещерский.

Тем временем Победоносцев настойчиво склонял Александра III провозгласить особым манифестом курс на «твердую власть», предлагая в качестве образцов манифесты Николая I от 19 декабря 1825 г. (по случаю разгрома восстания декабристов) и от 13 июля 1826 г. («в честь» казни вождей декабризма). Царь осторожничал. Тогда «русский папа» сам написал манифест и предъявил его царю. Тот одобрил. Так родился царский манифест от 29 апреля 1881 г. Манифест перечеркивал все надежды либералов на конституцию и объявлял волю царизма «утверждать и охранять» самодержавную власть «от всяких на нее поползновений».

В стане консерваторов манифест приняли восторженно. «Как манны небесной народное чувство ждало этого царственного слова. В нем наше спасение: оно возвращает русскому народу русского царя самодержавного»¹⁰. Манифест, возвестивший незыблемость самодержавия, послужил сигналом к смене правительства и перегруппировке сил в «верхах» М.Т. Лорис-Меликов, Д.А. Милютин, А.А. Абаза ушли в отставку. Несколько ранее был смещен с должности министра просвещения А.А. Сабуров. Великий князь Константин Николаевич, считавшийся главой либеральной оппозиции в высших сферах, был удален с поста главы Морского ведомства. Консервативная группировка в правительстве усиливалась, получая все большие возможности влиять на политику.

Приводя отрывки из Манифеста 29 апреля, лондонская «Таймс» заключала о победе консервативных сил: циркулировавшие в Петербурге и за границей слухи о конституционных переменах не оправдываются.

Таким образом, появление Манифеста и уход в отставку либеральных бюрократов – это не просто смена правительства и даже правительственного курса. По сути, прерывалась сама линия развития России на мирные преобразования, на реформы «сверху». Непоследовательная зигзагообразная, она все же ясно обозначилась в эпоху Александра II, вселяя надежды на безреволюционный путь. При всей своей непоследовательности политика Александра II предусматривала движение вперед. Насильственный обрыв этой линии, с ее ориентацией на изменение существующего строя, говорил о смене концепции развития России. Противоборство приверженцев консерватизма и реформизма на этом этапе завершилось победой «охранителей».

А.А. Корнилов в своем курсе «История России в XIX веке», прочитанном им в Петербургском политехническом институте Петра Великого в 1909/10 учебном году, подразделяет царствование Александра II на три этапа. Первый — вступительный, второй — переходный (с 1 марта по 29 апреля 1881 г. и с 29 апреля 1881 до конца мая 1882 г.) и третий – реакционный. С переходом власти в руки графа Толстого в мае 1882 г., — пишет Корнилов, — начинается окончательный резкий поворот к реакции, опирающейся на определившуюся к тому времени реакцию в части русского общества».

П.А. Зайончковский в монографии «Российское самодержавие в конце XIX ст. (Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов)». – М., 1970 подразделяет правительственную политику рассматриваемого периода на два этапа: первый период (май 1882 — конец 1885 г.) — приход к власти гр. Д.А. Толстого — характеризуется установлением откровенно реакционного курса, однако в этот период никакой программы реакционных преобразований еще не существует и предпринимаются лишь первые шаги в области реакции (утверждаются новый университетский устав, а также «Временные правила о печати»). Второй период (1886—1894 гг.) характеризуется не только детальной разработкой как общего плана, так и конкретных проектов, но и проведением их в жизнь.

После отставки либеральных министров, новым главой правительства 4 мая 1881 г. был назначен граф Николай Павлович Игнатьев. В сущности, это была временная фигура, чьей задачей было проложить мост между правлением покойного императора и новым курсом на контрреформы. Игнатьев – бывший посол в Турции для умиротворения либералов осуществлял и серьезные акции. 28 декабря 1881 г. последовал указ о понижении выкупных платежей и о прекращении с 1 января 1883 г. временнообязанного состояния крестьян. 18 мая 1882 г. был принят закон об отмене подушной подати, которую ввел еще в 1724 г. Петр I. Вместо нее вводился более цивилизованный налог с имущества. Этот закон вступал в силу 1 января 1887 г. На 30% по стране были снижены выкупные платежи. 14 млн. рублей – безнадежных недоимок – было списано. В том же 1882 г. министерство Игнатьева занялось устройством кредита крестьянам. Был основан Крестьянский банк для выдачи долгосрочных ссуд на покупку частновладельческих земель. Ссуды предоставлялись крестьянам только в том случае, если крестьяне покупали земли у помещиков. Цены же на землю, которая перепродавалась через посредство Крестьянского банка, были почти вдвое выше ее среднерыночной стоимости (в 1883 г. одна десятина стоила по рыночной цене 28 руб., а через Крестьянский банк обходилась в 52 руб.). В рабочем вопросе было положено начало фабричному законодательству (1 июня 1882 г. вышел закон об ограничении детского труда, и вводилась фабричная инспекция).

Одновременно с «политическими реверансами» в адрес либеральной общественности, Игнатьев в то же время искоренял «крамолу». Во главе политического розыска Игнатьев поставил Г.П. Судейкина — выдающегося мастера провокации. Судейкин завербовал к себе в агенты члена военного центра «Народной воли» С.П. Дегаева. Он выдал охранке руководителей ИК «Народной воли», а также все местные (более чем в 40 городах) военные группы народовольцев. К весне 1883 г. от ИК и его

Военной организации почти ничего не осталось. Однако Дегаев испугался последствий своего предательства и летом 1883 г., будучи по делам охраны в Париже, покаялся там перед заграничными представителями ИК, а затем вернулся к Судейкину уже как агент ИК. 16 декабря 1883 г. он заманил шефа охраны к себе домой, где его убили двое народовольцев. Дегаев же после этого скрылся в США, где и умер в 1920 г.

Попыткой власти выработать новые средства борьбы с революционерами стало тайное общество целью которого было искоренение «крамолы» и защита особы императора. Оно сформировалось в августе 1881 г. под названием «Святая (или «Священная») дружина». В нее вошли 729 человек: братья Александра III, министр двора И.И. Воронцов-Дашков, московский генерал-губернатор В.А. Долгоруков, будущий председатель Совета министров С.Ю. Витте, высокопоставленные военные, журналистский официоз во главе с М.Н. Катковым, элита купечества. «Дружина» действовала энергично, но неэффективно. Она рассчитывала путем провокаций, использования компромата дезорганизовать и дискредитировать революционное движение (в России и за рубежом для этого создавались псевдореволюционные организации и печатные издания), но, не имея сыскной квалификации «Дружина» ввязывалась в аферы, мешая деятельности государственной полиции. В начале 1883 г. Александр III объявил о роспуске «Священной дружины».

14 августа 1881 г. Александр III утвердил подготовленное под редакцией Игнатьева «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» (или «Положение об охране»), Принято оно было на 3 года как чрезвычайная мера, но каждый раз по истечении срок» возобновлялось — вплоть до 1917 г. С этого момента министр внутренних дел и генерал-губернаторы получили право объявлять любой район страны «на чрезвычайном положении» если «для охранения порядка применение действующих постоянных законов» будет недостаточным. При объявлении такого положения губернские власти могли запрещать, закрывать, увольнять, арестовывать кого угодно и что угодно без суда и следствия.

Вскоре Н.П. Игнатьев был признан непригодным для претворения в жизнь реставрационных планов. Министр внутренних дел поддался влиянию близких ему славянофилов и взялся подготовить созыв совещательного Земского собора к коронации Александра III в 1883 г. Игнатьев с энтузиазмом доказывал, что Собор сделает коронацию "особенно праздничной и значительной, явившись волеизъявлением народа в пользу самодержавного правления, своеобразной санкцией его. Избранный на основе высокого имущественного ценза. Земский собор обеспечил бы первенство крупных землевладельцев. Из 4 тыс. выборных 1 тыс. предполагалась от крестьян. Созыв ритуального по своим задачам Собора, не получившего даже, как объяснял царю Игнатьев, законосовещательных функций, должен был заставить «замолкнуть всякие конституционные вождедения». Император по началу благосклонно отнесся к инициативе Игнатьева. Однако о затее Игнатьева узнал Катков у которого в министерстве внутренних дел были свои осведомители, первым поднял тревогу. Зашевелилась консервативная группировка во главе с Победоносцевым. Газета Каткова обращала внимание на сходство плана созыва Земского собора в лице выборных от земли русской с иными крамольными помыслами. «Разве не того хотели Желябов и Нечаев?» – вопрошал он, имея в виду требование созыва Учредительного собрания, выдвинутое «Народной волей».

Таким образом, проект был отвергнут, а сам Игнатьев 30 мая получил отставку. Уход Игнатьева символизировал переход к открытой реакции, и ее непосредственным орудием стал новый министр внутренних дел Д.А. Толстой. Одновременно он был назначен шефом жандармов. В обществе имя бывшего министра народного просвещения и обер-прокурора Св. Синода было синонимом крайнего, ортодоксального консерватизма. О нем еще в 1866 г. историк С.М. Соловьев сказал: «Как я на него взглянул, так у меня и руки опустились. Вы не можете себе представить, что это за гнусная фигура!». Победоносцеву как и царю были известны «громадные недостатки» бывшего министра

просвещения: алчность, лживость, мстительность. Выдвинутый консервативной группировкой в «верхах», поддерживаемый ею, Толстой и повел наступление на общественные достижения 1860-х годов.

Первой под удар консервативных сил попала университетская реформа 1863 г. Пересмотр университетского устава, подготовляемый еще и 1870-е годы Н.А. Любимовым при участии М.Н. Каткова, ждал своего часа, отложенный в связи с отставкой Д.А. Толстого. С назначением последнего министром внутренних дел создавались все условия для контрреформы. Новый устав для университетов, датированный 23 августа 1884 г. и подготовленный М.Н. Катковым предусматривал ликвидацию университетской автономии. Ректор и декан должны были не избираться из среды профессуры, как следовало по правилам 1863 г., а назначаться Министерством просвещения. Введение государственных экзаменов ставило под контроль не только студентов, но и преподавателей. В университетах была поднята плата за обучение. Авторы устава исходили из того, что только полностью «государственный» университет сможет формировать нужные самодержавию научные и чиновничьи кадры, казенную интеллигенцию.

Контрреформами были затронуты также печать (в 1882 г. вводились новые жесткие "временные правила о печати") и система просвещения. В годы реакции были закрыты многие демократические и либеральные издания, из высших учебных заведений были вынуждены уйти прогрессивно настроенные профессора. В 1887 г. был опубликован так называемый циркуляр о "кухаркиных детях", по которому была закрыта дорога в гимназии детям простолюдинов.

В период контрреформ компетенция суда присяжных стала значительно сокращаться (1878, 1882, 1889 гг.). Суть сокращения состояла в том, что ряд дел политического характера был передан в ведение судебных палат. Суд присяжных не был введен на Кавказе, в Закавказье, Архангельской губернии, Сибири, Туркестане, Закаспийской области, Прибалтике. В условиях контрреформ 1880—90-х гг. многие стороны судебных реформ, вводивших начала гражданского общества, стали ограничиваться или практически отменяться. Вновь издаваемые законы ограничивали эти демократические институты. Так была сокращена компетенция суда присяжных (в отношении дел политических); ограничена гласность судопроизводства; не реализовалась несменяемость судей; отменены институты мировой юстиции.

Особенно реакционным было введение в деревне института так называемых "земских начальников" (1889), когда в 40 российских губерниях было создано несколько тысяч "земских участков", возглавляемых назначаемыми министром внутренних дел потомственными дворянами. Последние, получившие название "земских начальников", обладали правом вмешиваться в жизнь крестьянских обществ, выполняли административные и судебно-полицейские функции. Фактически это восстанавливало позиции помещиков, утраченные было в ходе проведения реформы 19 февраля 1861 г.

Заметному ограничению подверглась и деятельность земств. В новом "Положении о губернских и уездных земских учреждениях" было обеспечено заметное преобладание дворян в органах местного самоуправления, а сами эти органы попадали под жесткий контроль со стороны губернаторов. В городах правительство стремилось расширить вмешательство администрации в дела городского самоуправления. В соответствии с законом 1892 г. основными избирателями в городские думы становились теперь владельцы недвижимого имущества. Мелкая буржуазия фактически устранялась от участия в городском самоуправлении.

Однако последовательно провести контрреформы, уничтожив буржуазные преобразования 1860-70-х годов, правительству не удалось. Курс на консервацию полуфеодальных отношений в условиях развивающегося капитализма мог привести к ослаблению позиций политического режима внутри страны, а также наносил удар по статусу и престижу страны на международной арене. Во время царствования Александра

III наблюдался экономический прогресс. Империя добилась финансовой стабилизации во многом благодаря тому, что именно пост министра финансов занимали при Александре III, сменяя друг друга, самые умные чиновники: Н.Х. Бунге (1881—1886), И.А. Вышнеградский (1887—1892), С.Ю. Витте (с 1892 г.)

4. Разработка официальной доктрины внутривнутриполитического курса России

В конце XIX в., в период царствования Александра III, власть обращается к традиционным ценностям, и во внутривнутриполитическом курсе получают распространение идеи, основанные на обновленной трактовке триады: православие, самодержавие, народность. В качестве официальной доктрины была принята «теория народного самодержавия», консервативная по своей сути, которая стала идейно-теоретической базой внутривнутриполитического курса России в период правления Александра III, а также его сына Николая II. Политика, проводившаяся в конце XIX в., была призвана смягчить побочные проявления сложнейшей российской модернизации. Существенными элементами традиционного русского политического сознания являлись 1) приверженность идее незыблемости самодержавия, 2) почитание царя, 3) оценка его власти как самодержавной, освященной религиозным сознанием, 4) вера в Бога, 5) твердая внешняя и внутренняя политика, 6) подчинение власти.

Веками самодержавие обходилось без общественного мнения. Правительственная политика в России вырабатывалась монархами при участии тесного круга доверенных лиц статус которых определялась степенью личной приближенности к царю. В пореформенный период всемогущество монархии было поставлено под сомнение. Оппозиционным программам обновления России нужно было противопоставить свою, консервативную, программу. К пониманию этого царизм шел, принуждаемый обстоятельствами.

Провозглашенный Александром III курс, основанный на традиционных ценностях, готовился ещё в бытность его наследником престола. Вокруг великого князя Александра Александровича к концу 1870-х годов объединилась группа лиц, недовольных реформаторским курсом Александра II (И.И. Воронцов-Дашков, К.П. Победоносцев, М.Н. Катков, Н.П.Игнатьев и др.). В этой среде стала вырабатываться политическая программа альтернативная официальному курсу. Немаловажную роль в выработке такой программы в правительственной среде сыграл дядя С.Ю. Витте консервативно настроенный генерал Р.А. Фадеев. Программа государственных преобразований, альтернативная существующему правительственному курсу, начинает выкристаллизовываться Р.А. Фадеевым с середины 70-х годов XIX в. и обретает завершённый вид в его книге «Письма о современном состоянии России. 11 апреля 1879 — 6 апреля 1880», подготовленной им совместно с И.И. Воронцовым-Дашковым и изданная анонимно в Лейпциге в 1881 г. Р.А. Фадеев выступал за самобытный путь развития России. Стержнем исторического развития России Р.А. Фадеев считал русское самодержавие, поклонником которого он являлся. Для укрепления самодержавия он, во-первых, считал необходимым провести реформу местного управления. Опорой власти на местах должны стать реорганизованные земства, в которых необходимо усилить позиции дворянства, во-вторых, Фадеев предлагал восстановить допетровские государственные формы (деятельность земских соборов). Он особо подчеркивал, что по своей сущности З.С. не имеют ничего общего с западноевропейскими парламентами. В-третьих, для эффективной борьбы с революционными идеями Фадеев изложил свою программу в области народного образования, которая сводилась к 3 положениям: а) грамотность для народа, б) техническое обучение для средних слоев, в) наука для «культурного слоя» т.е. — дворянства. Фадеев призывал ограничить поступление в университеты для недворянской молодежи. Программа дворянской аристократии, изложенная Р.А. Фадеевым, встретила критику со стороны славянофилов (Самарина и др.). Обер-прокурор К.П. Победоносцев отметил, что «...книга Фадеева интересна и может навести на добрые и верные мысли.

Ради этой книги автор её стремится проникнуть в правительство. От этого не может быть добро, ибо Фадеев – авантюрист мысли, а не человек дела».

Таким образом, Р.А. Фадеев являлся последовательным сторонником самодержавной формы правления. И в этом отношении его программа находила поддержку у Александра III и его ближайшего окружения. Такую же поддержку находила его концепция реформирования образования и сословной политики. Поражая непомерно разросшийся бюрократический аппарат, Р.Л. Фадеев ратовал за «народное самодержавие». «Единение царя с народом» Р.А. Фадеев пытался реализовать, прежде всего, посредством возобновления деятельности Земских соборов, но именно эта идея не разделялась ни императором, ни его ближайшим окружением. Программа Р.А. Фадеева не стала официальной концепцией развития России, однако она отражала вектор идейных поисков верховной власти – использование традиционалистских ценностей в государственной политике.

10 марта 1881 года известный философ и юрист Б.Н. Чичерин подготовил программу преобразований России, названную им «Задачи нового царствования». Два экземпляра записки Б.Н. Чичерин 11 марта направил К.П. Победоносцеву, один экземпляр он просил передать Александру III. В «Записке», написанной под непосредственным влиянием событий 1 марта 1881 года, Б.Н. Чичерин дал характеристику современному положению России, подверг критике основные либеральные требования, высказываемые в печати, земствах и т.д., и предложил свой план действий. Называя царствование Александра II одним из величайших в русской истории, Б.Н. Чичерин остановился на «наследии», которое «этот благородный государь, сеятель свободы» оставил своему наследнику. Итоги были неутешительными: «Везде ощущается разлад. Повсюду неудовольствие, ...недоумение... Россия представляет какой-то хаос, среди которого решимость проявляют одни разрушительные элементы, которые с неслыханной дерзостью проводят свои замыслы, угрожая гибелью не только правительству, но и всему общественному строю...».

Программа преобразований, предложенная Б.Н. Чичериным, имела целью усиление власти и борьбу с социалистическими идеями. Для реализации этих целей он предлагал реорганизовать Государственный Совет путём введения в его состав выборных представителей дворянства и земств (по одному депутату от дворянства и по два от губернских земств). Он считал, что эта мера обеспечит стабильность в обществе, так как она удовлетворит и либералов, и консерваторов. Реорганизованный Госсовет будет иметь только совещательные права. Программа Б.Н. Чичерина, представленная К.П. Победоносцеву, вызвала критику со стороны обер-прокурора. К.П. Победоносцев всегда являлся убежденным противником призвания выборных к управлению государством. Этим приглашаемых по проекту Б.Н. Чичерина выборных лиц К.П. Победоносцев расценивал как «пустых болтунов». Чичерину не удалось переубедить К.П. Победоносцева, его программа не стала основой выработки правительственного курса.

В 1885 г. на страницах катковского «Русского вестника» появилась обширная статья «Современное состояние России и сословный вопрос», принадлежавшая перу алатырского уездного предводителя дворянства Симбирской губернии А. Д. Пазухина и содержащая программу консервативных преобразований. Крайне негативно охарактеризовав современное положение России (распространение анархических учений, падение авторитета власти, развитие в обществе корыстных инстинктов, упадок религии, нравственности), Пазухин пытается найти причины, вызвавшие подобное положение. Отмена крепостного права, по его мнению, была крайне необходима и проведена весьма удачно, так как сохранилась политическая значимость помещного дворянства и его руководящая роль в крестьянской жизни.

Что же тогда послужило причиной совершенно неудовлетворительного состояния России? Это реформы, которые последовали за отменой крепостного права, в основе которых лежит принцип уравнивания или так называемого «слияния сословий как в личных

(гражданских) правах, так и во всех правах служебных (политических). Таким образом, в буржуазном принципе бессословности (уравнении сословий) Пазухин видит главное зло. С этих позиций он подвергает критике великие реформы и в первую очередь земскую и городскую.

Отрицательные стороны новых судебных учреждений, созданных «по иностранным образцам», Пазухин видит прежде всего: 1) в независимости суда (открыто стали в оппозицию к власти); 2) бессословности (дворянство отстранено от участия в местном, т. е. мировом, суде).

Спасение России Пазухин видит в восстановлении сословных учреждений с руководящей ролью в них дворянства. Ратуя за «восстановление разрушенного» Пазухин считал необходимым сохранить земство и городские органы управления, реорганизовав их лишь на сословной дворянской основе. Программа Пазухина очень понравилась Толстому, и он был вскоре назначен правителем канцелярии Министерства внутренних дел. Малообразованный, но неглупый от природы и энергичный, Пазухин вскоре превратился в правую руку Толстого. «Умен, но желчен и односторонен. Не такие люди творят», – замечает о Пазухине Половцов.

В выработке доктрины внутриполитического курса России 80-90-х годов XIX века огромную роль сыграли редактор «Московских ведомостей» М.Н. Катков и обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев.

М.Н. Катков четверть века оказывал определяющее влияние на политику правительства, формируя определенную точку зрения, идейно подготавливая те или иные правительственные меры. В 80-е годы XIX в. М.Н. Катков представлялся всемогущим. Подводя итоги своей деятельности, он писал Александру III, что его газета «Московские ведомости» была не просто газетой. В ней не просто отражались дела, в ней многие дела делались. Она участвовала в событиях, и перед историей она будет свидетельствовать не только о том, что сделано, но и о том, что следовало бы сделать и чего делать не следовало».

Можно сказать, что М.Н. Катков являлся одной из главных фигур царствования Александра III. К.П. Победоносцев, хотя и недолюбливал, но ценил М.Н. Каткова, отдавая дань его заслугам. По мнению К.П. Победоносцева, в качестве журналиста М.Н. Катков «оказал драгоценные услуги России и правительству в трудные времена», был авторитетом у многих русских людей, стремящихся к водворению порядка». Высоко оценивал публицистическую деятельность М.Н. Каткова в журнале «Русский вестник» и его роль в выработке концепции правительственной политики Александр III. Катков был умен и талантлив, блистал публицистическим красноречием. В 1880-е гг. Катков был главным дирижером «общественного мнения» в России, что директор канцелярии русского МИДа (будущий министр) В.Н. Ламздорф в своем дневнике называл царя и Каткова «их величествами».

Основными принципами, которые пропагандировал М.Н. Катков, были: 1) неизбежность самодержавной формы правления, исторически доказавшей свою жизнеспособность; 2) сильная, твердая власть, решительные действия со стороны монарха; 3) использование провиденциализма при обосновании неизбежности самодержавия; 4) ориентация только на министров, придерживающихся традиционалистских взглядов; 5) принцип сословности как единения всех сословий пореформенного общества под скипетром самодержавия в нераздельный народ при главенствующей роли дворянства; 6) опора на дворянство, как «звена» между царём и народом; 7) идея «ненависти народа к интеллигенции»; 8) принцип народности, понимаемый и как соответствие самодержавия обычаям и традициям народа и, в большей степени, как открытая поддержка народом этой власти; 9) классическая система образования на основе принципа сословности, строгий контроль властей над образовательными учреждениями, повышение роли церкви в народном образовании. Такова программа М.Н. Каткова, активно внедряемая в общественное сознание и путём

выступления через прессу, и путём его личных контактов с представителями высшей власти. Программа М.Н. Каткова нашла реальное воплощение в правительственном курсе России 80–90-х гг. XIX в.

Взгляды М.Н. Каткова разделял обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, который являлся одним из самых ближайших советников Александра III, особенно в первые месяцы и годы его правления. Взгляды и деятельность К.П. Победоносцева во многом определяли направление политического курса России в последней четверти XIX века. Уже на первом публичном выступлении после восшествия на престол Александра III (8 марта 1881 г.) К.П. Победоносцев сформулировал программу действий: 1) прекращение каких бы то ни было уступок требованиям общественного представительства; 2) усиление во всех сферах общественной и государственной жизни твёрдой, самодержавной власти; 3) усиление сословной власти дворянства над крестьянством; 4) уничтожение суда присяжных и независимости печати.

Усиление роли Победоносцева при императорском дворе образно в своих стихах охарактеризовал его недруг Блок. «Все заволакивается. 1-е марта. Победоносцев бесшумно садится на трон, как сова». Этот образ потом найдет свое поэтическое развитие во вступлении ко второй части поэмы:

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи,
А только тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил Россию,
заглянув ей в очи Стеклянным взором колдуна.

Любопытна характеристика Победоносцева, данная ему современником в журнале «Московские ведомости» под псевдонимом «Поселянин»: «В его громадном кабинете, в нижнем этаже на Литейном, с письменным столом колоссального размера и другими столами, сплошь покрытыми бесчисленными книгами и брошюрами, становилось страшно от ощущения развивающейся здесь мозговой работы. Он все читал, за всем следил, обо всем знал». Нет, это обиталище не чиновника, не ученого и не философа. Это обиталище ученого государственного колдуна, всемогущего и бессильного одновременно. К.П. Победоносцев умер 10 марта 1907 г.

В 1880–90-х гг. XIX в. в России решалась консервативная задача – приспособить институты государства к меняющемуся обществу и экономике. В условиях модернизации и трудного приспособления к ней общества, по существу, не готового к восприятию буржуазных реформ 60–70-х годов XIX в., сохранение неограниченного самодержавия имело определённый смысл. Эта власть оказалась чуть ли не единственной силой, способной правовым путём осуществить постепенную модернизацию России, приспособить страну к новой ситуации. В условиях быстрых социальных преобразований власть пыталась управлять ситуацией с помощью консервативной политики, сохраняя основные рычаги власти в руках монарха. Западноевропейскому парламентаризму правительство Александра III, а позже и Николая II, пыталось противопоставить «народное самодержавие», как якобы более совершенную форму государственного управления, а буржуазной модернизации экономики – ускоренное развитие национальной промышленности на основе активного государственного вмешательства при сохранении строгого правового контроля в промышленности и финансовых сферах. В концепции «народного самодержавия» ключевая роль отводилась самому монарху, созданию определённого его «образа». В 80–90-х гг. XIX в. внедряется в общественное сознание образ монарха как самодержавного русского царя, покровителя, защитника русского народа, царя-батюшки, образ которого связывали с идеей православия о царе – защитнике всех страждущих, слабых, нуждающихся. Консервативная идеология, вырабатываемая

в России в 80–90-х гг. XIX в., представляла собой, по существу, систему политической ориентации с опорой на собственные национальные традиции с целью сохранения социальной и политической стабильности самодержавной государственности. Однако «консервативным обновителям» не хватало развитого политического движения консерваторов, практически отсутствовал диалог между консервативными и либеральными группами государственных деятелей. Само же либеральное общество воспринимало консерватизм как откат назад. Слабостью консервативной идеологии и главным образом её реализации являлась а) замкнутость на бюрократическом решении проблем, б) подозрительное отношение к общественной инициативе, в) нарастание репрессивно-полицейских черт в функционировании государства.

Кроме того, в 80–90-х годах XIX века ослабевает либеральное движение в России. Одной из причин этого было противопоставление русских национальных идей, традиций и православной церкви либеральным идеям. Ещё в годы правления Николая I православие и национальные традиции воспринимались как возможный элемент либерального мировоззрения, в частности в идеологии славянофилов. В годы правления Александра III либерализм под напором «народного самодержавия» властей и тесной связи с ними церкви всё более ориентировался на западную систему ценностей и атеизм, а значит, всё более отдалялся от народа. В результате либералы оказались идейно изолированы от народа, а ближе к крестьянству оказались представители радикальных социалистических течений. В России, в отличие от многих других стран, традиционные консервативные ценности и институты, как и либеральные призывы, не смогли стать преградой на пути радикальных сил, которые в начале XX в. раскачают Российскую империю и приведут к её гибели.

Литература

1. История России. XIX век: Учебник для студентов высших учебных заведений: В 2 ч. / Под ред. В.Г. Тюкавкина. – М., 2001. – Ч.2.
2. Федоров В.А. История России. 1861–1917: Учебник для вузов. – 2-е изд., испр. – М., 2003.

Источники

2. Хрестоматия по истории СССР 1861–1917: (По спец. “История” / Под. ред. В.Г. Тюкавкина). – М., 1990.